

ТЕРРИТОРИЯ СБЫВШИХСЯ СНОВ

СИМАНОВ ГЛЕБ
 САБАДАХ СВЕТЛАНА
 ПАРШИН ЮРИИ
 МУДРОЛКОВОВ ВИКТОР
 СЕЛЛЯР АЛЕКСАНДР
 МАДУ МАРИЯ
 СОЛОМАТОВ АЛЕКСАНДР
 ШРИ МАХАДЭВА АДИ НИДАНА
 ЖИЛИНА ЕКАТЕРИНА
 КОРОСТОВ ВАЛЕРИИ
 ИШМУХАМЕТОВА ЯНА
 ЕЛИСТРАТОВА ИРИНА
 СУДИСЛАВЛЕВА АЛИНА
 БРОНОВИЦКАЯ СВЕТЛАНА
 ПАРАМОНОВА ЕЛЕНА
 БУРНОС СОФЬЯ
 ЛАВНИК ГЕННАДИИ
 ЧЕЛЮКАНОВА ОЛЬГА
 БЕЛОУСОВ РОМАН
 САМЕД-ЗАДЕ ЛАЧИН НАРИМАНОВИЧ
 БАБИЧ АННА (САНДЭМО)
 БОНДАРЕНКО ИЛЬЯ
 ГОЛЬЦОВ ЕВГЕНИИ

Антология
Нари Ади-Карана
За границами снов
Серия «Антология Живой
Литературы (АЖЛ)», книга 8

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24721043

За границами снов : антология. / Ред.-сост. Нары Ади-Карана. : Скифия;

Санкт-Петербург; 2017

ISBN 978-5-00025-104-1

Аннотация

«Антология Живой Литературы» (АЖЛ) – книжная серия издательства «Скифия», призванная популяризировать современную поэзию и прозу. В серии публикуются как известные, так и начинающие русскоязычные авторы со всего мира. Публикация происходит на конкурсной основе.

Содержание

Утренние сны и сказки начал	7
Софья Бурнос	9
Призрачный балкон	11
Пятнышко	34
Глеб Симанов	45
Кораблик	46
Лишь сорняк пробивается сквозь асфальт...	48
Я становлюсь прозрачным...	49
Жан-Клод уважает простую жизнь...	49
Греческая баллада	52
Развалины замка	55
Судьба	59
Был вечер осенний...	60
Письмо	62
Светлана Сабадах	66
Я женщина	70
Голландские одуванчики	71
Чисто-белое кино	73
Завтрак на веранде	74
Заламинирую любовь	75
Глаза-хамелеоны	76
Мой ласковый и нежный День	77

На антресоли	78
Сгущалась грусть...	80
Постриг	82
Юность без четверти девять	83
Пустыня	85
Пусть будет Юля	87
Трабл-бабл	88
Покров	89
Икра	91
Инкубатор	92
Я не могу	93
Соловей-разбойник	95
Движение	98
Светлана Брновицкая	99
Ателье печали и радости	100
Сказка про сбежавшую собаку	114
Часть 1	114
Мария Маду	139
Она и я	141
Лунные гондольеры	142
У меня на окошке живет не кошка	143
Атомная станция	144
Зачем строят корабли?	145
Ожидание	146
Лунное веретено	147
Срочная телеграмма тчк	148

На село привезли ананас	149
Проснись!	150
Новое утро	150
Любовь врывается	151
Загадай про меня	152
Питерский дворик. Зима	152
Субботняя ночь	153
Товарищ таракан	154
Я опять виноват	155
Тебе, Родина!	156
Конец ознакомительного фрагмента.	157

**За границами
снов: антология
Редактор-составитель
Нари Ади-Карана**

Серия: Антология Живой Литературы (АЖЛ)

Серия основана в 2013 году Том 8

Издательство приглашает поэтов и авторов короткой прозы к участию в конкурсе на публикацию в серии АЖЛ. Заявки на конкурс принимаются по адресу электронной почты: skifiabook@mail.ru

Подробности условий конкурса можно прочитать на издательском сайте: www.skifiabook.ru

*В оформлении обложки использован фрагмент картины
А. Вяжевич*

Все тексты печатаются в авторской редакции.

© Оформление, составление. ИТД «Скифия», 2017

Утренние сны и сказки начал

Софья Бурнос

Глеб Симанов

Светлана Сабадах

Светлана Броновицкая

Мария Маду

Ирина Елистратова

Елена Парамонова

**Софья Бурнос
г. Санкт-Петербург**

Родилась в г. Арсеньев (Приморский край).

Окончила ДВГАИ (г. Владивосток) в 2005 г. факультет – мастерство актера, курс А.П. Славского, киношколу Александра Митты в 2013 г. (Москва), курс – сценарное мастерство, режиссура.

© Бурное Софья, 2017

Пишу со школьных лет. В основном сценарии к художественным фильмам, пьесы, рассказы, сказки. Снимаю кино, люблю жизнь.

Иногда мне кажется, что я птица, для которой слово – это крылья, фантазия – горизонт, литература – перелетная стая, – ты можешь к ней примкнуть или продолжить полет в одиночестве.

С пяти лет мной овладели убеждения в том, что я – посланник с другой планеты. Я рассказывала довольно странные истории, описывала неведомый мир, отстаивая право на его существование. Мама хотя и относилась с пониманием к детским выдумкам, а все-таки наведывалась периодически к авторитетным психологам за советом. Я благодарна маме за то, что она была и остается моей Музой, способной не только слушать и вдохновлять, но и быть суровым критиком в нужный момент. А еще я благодарна тем самым психологам за то, что они не стали лечить хрупкую вселенную маленького фантазера и успокоили родите-

ля, сказав, что это не болезнь, а глубокий внутренний мир. Так важно, чтобы кто-нибудь смог разглядеть в вас индивидуальность, потому что каждый человек как космос – непостижимо интересный. Об этом я пишу и в это верю.

Призрачный балкон

Марина Владимировна Синицына живет по стандартному сценарию старой девы. В однокомнатной квартире с пожилым и вечно недовольным отцом начинается и заканчивается каждый день ее безрадостного существования. Более 20 лет Марина Владимировна преподает в средней школе английский язык. Ученики считают ее законченной неудачницей, непривлекательной и, мягко выражаясь, неинтересной. Накануне экзаменов весь класс 9 Б врывается в учительскую и просит Марину Владимировну перенести контрольную. Ученики честно признаются, что прошлой ночью отмечали день рождения Сукачева – самого популярного одноклассника – на фешенебельной яхте его папы и потому не готовы к уроку. Марина Владимировна отказывается идти на поводу у детей. В результате весь класс получает неудовлетворительные оценки.

На другой день Марина Владимировна, войдя в класс, на рабочем столе находит документ с громким заголовком «УЧИТЕЛЬ ГОДА». Обиженные школьники написали эссе на педагога, которого считают профнепригодной, примитив-

ной и жалкой старухой, чья жизнь не достойна даже сочувствия. Обкусанные ногти и разбитый экран старого телефона, растерянный вид от частых звонков из банка во время занятий, бульварные романы в столе и наспех зашитые колготки, потрепанный «TIME» с подчеркнутыми фразами, малознакомыми человеку, так и не побывавшему в англоязычной стране, – все эти и многие другие факты ее незавидной характеристики были выписаны как будто уксусом на неведомом Марине Владимировне языке.

Обозлившиеся ученики обещали выложить эссе во все социальные сети учебного заведения на следующий день до полудня в том случае, если принципиальная учительница публично не попросит прощения перед классом и не признает себя «человеком без шансов».

Никогда раньше Марина Владимировна не чувствовала себя такой беспомощной. Прорывав академический час в полнейшем одиночестве, она все-таки нашла в себе силы собраться и отправилась домой накормить и сделать укол единственному, как ей казалось, любящему ее человеку.

В душной накуренной квартире отец Марины, Владимир Лукич, высказывал жалобы телевизору на правительство и неблагодарную дочь. Марина Владимировна вошла в квартиру, сняла туфли и неожиданно ясно поняла, что страх оказаться осмеянной завтра отступил, потому что завтра никогда не наступит. Она приготовила постную кашу отцу, сделала укол в костлявую ягодицу и получила укол в свой адрес:

«Варвара колет лучше». После этих слов сомнения точно испарились, и тоненькая занавеска на балконе как будто позвала. Марина вышла на балкон. Босыми ногами она почувствовала промозглую неустроенность бабьего лета своей жизни. Она вдохнула осенний воздух шумного микрорайона, представив маленькую желтую канарейку в тесной клетке. Следующие три минуты пролетели незаметно. Марина Владимировна ощутила прилив крови к вискам, когда поняла, что стоит на перилах балкона, правой рукой обхватив этажерку.

«УМРИ ИЛИ БОРИСЬ» – красовалось граффити на крыше дома напротив. Удивительно, как за минуту до финиша даже при минус 8 и без очков начинаешь отчетливо различать очевидное.

В тот момент Марину Владимировну осторожно похлопали по плечу.

«I'm sorry, could you tell me how to find Нащокинский Lane House 4?»

– Простите, не подскажете, как найти Нащокинский переулок дом 4? – спросил необыкновенно мягко чей-то голос позади.

Марина оцепенела. Она медленно повернула голову направо и переспросила: «Do you speak English?»

– Вы говорите по-английски?

Незнакомец спокойно ответил: «I hope so».

– Надеюсь, что да.

Тучи сгущались, начинало накрапывать, и между прыж-

ком в неизвестность и любопытством столкнуться с неизвестным при жизни Марина Владимировна выбрала второе. Она осторожно нащупала левой рукой бетонную стену балкона и стала перебирать ногами по уже заметно намокшим перилам. Иностранец оказался удивительно приятным мужчиной лет 50 с выразительными карими глазами, полными тепла и надежды, хотя его одеяние и центральноазиатский акцент все же вызывали чувство недоверия. Гость повторил вопрос на английском языке. Совершенно растерянная Марина Владимировна перебирала всевозможные варианты, как этот человек мог оказаться в ее квартире и, не найдя вразумительного ответа, решила спросить у самозванца прямо. Мужчина представился: «Меня зовут доктор Хаджи Хан. Я хирург из Северного Пакистана, служу в военном госпитале лагеря для беженцев, вы можете мне помочь?» Марина Владимировна все еще стояла босыми ногами на мокрых перилах балкона и не могла помочь даже себе самой, но благородный военный доктор смягчил ее сердце. Она стала говорить о том, что из Гольяново до Нащокинского переуллка гораздо быстрее будет на метро, а еще хорошо бы вооружиться картой. Внезапный приступ самаритянства заставил Марину Владимировну на какое-то время покинуть место самоуничтожения и начать поиски карты Москвы в недрах этажерки. Она перерыла две верхние полки и продолжала бы копать, если бы пыльный альбом с пожелтевшими снимками с грохотом не обрушился на иностранца. Пакистанец живо отре-

агировал на это маленькое происшествие. Он поднял выпавшие фотографии и вежливо попросил разрешения посмотреть. Марина не возражала. Завязался разговор.

Комментируя яркий снимок с выпускниками 2001 года, Марина Владимировна искренне улыбнулась, признавшись, что в тот день она была по-настоящему счастлива. Это были самые яркие годы ее профессиональной деятельности. После окончания Герцена ей сразу предложили взять классное руководство. Молодой педагог с радостью согласилась. Марина вспоминает, как на ее глазах выросло целое поколение, о котором она всегда будет вспоминать с легкой грустью и благодарностью. Теперь не те дети, не то время, не те отношения. Доктор Хаджи Хан внимательно слушал Марину, но все же позволил не согласиться: «В чем повинны дети? Они лишь принимают то, что им предлагают». Приятные воспоминания обернулись жаркой дискуссией на предмет воспитания и непреодолимой пропасти между поколениями. В доказательство своей правоты Марина Владимировна вынула из глубокого кармана серой кофты послание учеников, аккуратно сложенное самолетиком, и привела пример, который толкнул ее на столь отчаянный шаг. Хаджи Хан внимательно выслушал, затем заключил: «Что ж, дети объявили учителю фетву. Это нехорошо. Но их все еще нужно кому-то любить». Затем лояльный доктор рассказал Марине Владимировне о том, какой ценой достается пакистанским детям образование и какую великую радость вызывает каждая по-

даренная книга ученикам в удаленных районах высокогорья. Впечатленная Марина Владимировна решила пожертвовать все свои сбережения, которые легко уместались в металлическую коробочку из-под чая с заводным механизмом внутри. Она снова принялась шарить в ископаемых этажерки. Взволнованный доктор попытался отговорить бедную женщину от этого неразумного поступка. Он вдруг заговорил о необъяснимо загадочных обстоятельствах, которые привели его на этот балкон. Но едва его рассказ достиг кульминационной точки, как вдруг массивная этажерка рухнула со страшным скрипом на пол, и ее содержимое, одним словом назвать которое можно – «ВЕТОШЬ», заполнило теперь три четверти и без того тесного пространства.

Раздражительный Владимир Лукич уверенно зашагал в сторону «зоны катастрофы», по пути осыпая дочь самыми «лестными» комплиментами. Но каково было удивление старика, когда в грудe мусора на балконе он увидел Марину, говорящую по-английски с музыкальной коробочкой чая в руках. Она предрекала ей великий момент, опять и опять заводя маленький ключик с боковой стороны. Владимир Лукич выводы сделал сразу и поспешил огласить приговор: «Мать твоя покойница тоже вот так бубнила себе под нос, пока не отмучилась». Марина посмотрела с сочувствием на отца. Лет ему было много, и пережил он немало. Марина понимала, маляк мог подкрасться в любой момент. Она была готова ко всему.

«Папа, познакомься, у нас гость, – доктор Хаджи Хан. Мне не ведомо, когда он пришел, но в одном я совершенно уверена – он пришел вовремя. Я хочу помочь детям Пакистана получить образование», – сказала Марина со всей серьезностью.

«А я хочу спокойно посмотреть новости! Заканчивай этот балаган и огурцы полей, вон они как посохли! Вся, как мать, криворукая точно!» Владимир Лукич указал на высокий цветок хлопчатника, припрятанный от посторонних глаз в правом углу балкона за свернутым в рулон ковром. Марина раздосадованно покачала головой: «Простите его. Он всегда был такой», – сказала она и протянула коробочку с инвестициями собеседнику.

«При всем уважении я не смогу принять этот щедрый подарок. Понимаете, я, как бы это сказать...» – не успокаивался доктор.

«Я настаиваю. Это моя последняя воля. Записку писать не хочу, да и кому она нужна», – продолжала жалеть себя Марина Владимировна.

Владимир Лукич наблюдал за тем, как его дочь ведет диалог с воображаемым собеседником. Он переступил порог, разделяющий балкон и маленькую комнатку, и занял место незнакомца напротив дочери.

«Смотри. Это я! И никого тут больше нет, понимаешь ты это? Ты – спятила! Слышишь? Ты – спятила! А кто теперь колоть будет? У Варвары завтра смена в больнице», – отец

тряс Марину за плечи и кричал, как утопающий.

Марина Владимировна постепенно стала осознавать весь ужас происходящего, все еще надеясь обнаружить пакистанского хирурга на своем балконе. Доктора нигде не было. Этого не может быть. Тронуться умом всегда казалось Марине страшнее не только самоубийства, но даже встречи с самим дьяволом. Хотя, кто знает, возможно, это одно и то же явление.

Отец поднялся, спокойно взял большую лейку обеими руками со стула и протянул дочери. Марина приняла лейку и равнодушно направилась к Хлопчатнику, цветы которого пожухли, но все-таки успели набрать коробочки белого золота, похожие на сундуки кладоискателей. Отец переступил порог комнаты и, оглянувшись, добавил: «Даже огурцы у тебя не растут». Вздохнул и растянулся на диване.

Небо сокрушалось проливным дождем, характерным для этого времени года и ситуации в целом. Марина Владимировна равнодушно заливала хлопчатник. Мысли ее были где-то далеко. Тишину нарушил все тот же мягкий понимающий голос: «Я решил спасти ваш цветок, вы не против?». «Нет», – ответила Марина Владимировна и опустила глаза. На расшатанном табурете, где обычно стоял хлопчатник, сидел доктор Хан. В руках он держал увесистый горшок. Быстрые ручейки из лейки стекали по его густым волосам, лицу и аккуратно подстриженной бороде. Марина Владимировна скривилась в улыбке, потом перевела взгляд за окно и опустила лейку на

пол. «Дождливый спектакль близится к финалу. В антракте нужен перекур», – подумала она и достала мокрую пачку сигарет из бездонного кармана вязаной кофты, служившей ей «китайской стеной» долгие годы.

«Простите за любопытство, но почему хлопок? Довольно опрометчиво для городской квартиры», – любопытный доктор поражал своей осведомленностью.

Марина продолжала стоять спиной к воображаемому иностранцу. Без особых эмоций она рассказала о том, что однажды хотела завести кота, потом собаку, но обе эти попытки оказались напрасными. У отца аллергия буквально на все, кроме Варвары Михайловны, навещающей время от времени старого друга. Единственное, что ей было позволено сделать, – это высадить самоопыляющиеся огурцы на балконе по рекомендации той же Варвары Михайловны, с восторгом воспевающей экопродукты и приусадебный участок в 12 соток. Пару лет Марина Владимировна честно растила огурцы, а потом ей все это осточертело. Да и отец не любил ничего приготовленного ее руками. Вот она и посадила хлопчатник. А Владимир Лукич разницы не заметил.

«Вырастить и собрать хлопок – большое дело. Ему тепло нужно и много света. В Пакистане с этим сложно», – констатировал доктор Хан.

«А в московской квартире самое оно. Разряжает обстановку. Вместо кактуса», – иронизировала Марина Владимировна.

Ей почему-то захотелось съесть две большие ложки соли, и она напомнила себе о том, что случится в полдень следующего дня.

«Знаете что. Уходите, пожалуйста. Я вас очень прошу. При вас мне будет трудно это сделать», – со слезами в голосе попросила она.

«Что вы собираетесь делать?» – доктору стало невообразимо жалко маленькую женщину, ранимую и одинокую, да еще в такую непогоду.

«Вы, кажется, искали Нащокинский переулок. Так вот идите, куда шли. А мне пора навести здесь порядок», – она начала небрежно закидывать разбросанные вещи на этажерку, занимая себя делом повышенной важности. Требовательный голос отца напоминал, что пора ставить капельницу и готовить кашу. В этот момент Марина Владимировна как раз старалась воткнуть рассохшийся фотоальбом в дальний угол. Прямо ей в руки упал снимок, где она совсем еще девочкой вместе с мамой и папой гостила на даче лучшего друга отца – Иннокентия Петровича, женой которому приходилась Варвара Михайловна. Марина уже давно знала, что всю свою жизнь отец любит эту женщину, но глубокая преданность другу и слово офицера, даже после его смерти, не позволили Владимиру Лукичу признаться в чувствах. Марина была уверена, что Варвара Михайловна догадывалась об этом, и, возможно, это было взаимно. Однако именно сегодня со всеми тайнами «мадридского двора» будет поконче-

но.

«Каша пригорела. Ешь, что дают», – приказным тоном сказала дочь, в мгновение превратившаяся из тихой шизофренички в тюремного надсмотрщика. Отец покривился, но спорить не стал. Марина Владимировна готовила физраствор и капельницу. Владимир Лукич неторопливо ковырял ложкой в тарелке, наконец характер взял верх.

«Не то лекарство. В могилу отца загнать хочешь? Оставь. Варвара все сделает. Она все может, и каша у нее не горит», – отрапортовал мученик и зачем-то поплелся на балкон.

«И огурцы у нее не сохнут, и человек она золотой! Варвара Михайловна! Канонизируют ее потом, поди! Куда уж нам, криворуким. Наше дело маленькое – горшок подносить да уколы ставить, когда Варвара Михайловна на дежурстве!» – Марина Владимировна потеряла контроль и сейчас отчаянно кричала на пожилого скрюченного человека.

«Марина, веди себя достойно. Марина, сначала аспирантура, замуж выскочить успеешь. Марина, тебе 40, кому ты нужна, раньше думать надо было. Марина, ты криворукая! Огурцы у тебя не родятся, не то чтобы дети!» – последняя фраза далась особенно тяжело. Слова как-будто оловом сдавили грудь, прорываясь сквозь хрип и слезы.

«А сам-то. Сам-то ты кто? Ты свою Вареньку на алтарь поставил, а она, может, земной любви хочет, простой, человеческой. Души в тебе нет, как коробка пустая, запечатанный, и никогда не раскроешься. Никогда! Потому и огурцы

не растут».

Старик ничего не ответил, но было видно, как трясутся его руки. Он сел на диван и прибавил громкость телевизора до критической отметки.

«А может, все к лучшему!?! Может, лучше смотреть на коробку с подарком ВЕЧНО, чем развернуть и разочароваться! Прощай, папа! Варвара колет лучше...» – перекрикивая телевизионное шоу, Марина исполняла триумфальный монолог на авансцене балкона. Владимир Лукич сидел неподвижно.

Марина рванула балконную дверь. Она без промедления взобралась на перила, на этот раз отчетливо осознавая каждое свое действие. Впереди она увидела крыши малоэтажных домов и жизнеутверждающее граффити: «УМРИ ИЛИ БОРИСЬ» на единственной высоте среди прочих построек. Марина Владимировна обратила внимание на букву Р в третьем слове. Человек в белых одеждах занимал это место и сейчас, сильно жестикулируя, пытался что-то донести.

«Навязчивые видения – типичный синдром для депрессивных», – подумала Марина и отвела глаза. Она отпустила этажерку, служившую спасательным кругом долгое время, и распахнула обе руки.

Вот-вот и она уже была готова сойти с дистанции, но дверь отворилась и на балконе появилась Варвара Михайловна. Ее присутствие Марина всегда ощущала кожей.

«Мариночка, давай обнимемся. Это не отнимет много

времени, и я пойду. Капельницу поставила, заснул», – Варвара Михайловна всегда умела найти точные слова. Нельзя было назвать ее красавицей: маленькая, полноватая, но украинка! Красотой украинских женщин восхищалась даже Марина Владимировна. Внешней привлекательности не уступал и голос Варвары Михайловны. Похожий на музыку горного ручья, он всегда действовал успокаивающе на окружающих.

Марина Владимировна осторожно спустилась и обняла папину любовь, которая все это время с пониманием и без лишних вопросов стояла с протянутыми руками навстречу заблудившейся.

«Он любит вас всю жизнь, вы знали?»

«Знала».

«Почему не съедетесь? Холодно сегодня», – за окном все еще лил дождь, но понижение температуры Марина заметила только сейчас.

«Тогда ему некого будет любить, понимаешь?» – Варвара Михайловна по-матерински гладила Марину по голове.

«Не понимаю».

«Поймешь. Потом поймешь. Ты мне зонтик одолжи до завтра, мой ветром унесло. Дождь не прекращается. Возьму?» – Варвара Михайловна никогда не задерживалась надолго.

«Конечно, берите. А лучше оставайтесь, я на кухне постелю», – голос Марины звучал монотонно, как погружающий в транс кобыз шамана.

«Пойду. И ты иди, отдохнуть тебе нужно», – Варвара Михайловна отстранилась и по-доброму улыбнулась.

«Спасибо, Варвара Михайловна. Я тут еще немножко побуду, приберу». Варвара кивнула и удалилась.

Уже не такой суровый, но все-таки гром отзвуком проникал в балконную коробку. Марина Владимировна тихо расставляла пережитки прошлой жизни по местам. На сердце у нее потеплело, и мысли о линчевателях из 9 Б растворялись вместе с промокшим скомканным эссе, брошенным в угол, где стоял хлопчатник.

«Нужно придумать новое место для шкатулки с секретом, чтобы потом не забыть, куда спрятала», – думала она, не находя подходящего хранилища сберегательной банке.

«Я бы хотел воспользоваться вашим предложением, если еще не поздно. Простите за вторжение», – раздался знакомый голос за ее спиной.

Доктор Хаджи Хан мирно сидел на стуле в правой части балкона. Глаза его были уставшими.

«Вы почему здесь?» – не без удивления спросила Марина. Она обернулась и сейчас пристально смотрела прямо в душу интервента.

«Я сбился с пути в поисках Нащокинського переулка и дома под номером четыре с волшебным балконом. Никто не в силах мне помочь. Кроме вас. вы меня видите и слышите. Должно быть, вы особенная. Я пришел попросить вас показать мне карту Москвы», – в словах доктора было что-то пу-

гающее, но Марина сделала шаг навстречу. «Хотите чаю?» – гостеприимно поинтересовалась она.

«Раз уж я не могу с ним расстаться, придется принять такой вот оригинальный симптом переутомления», – решила Марина и, не дожидаясь ответа, пошла в комнату.

Иностранец поднялся и произнес на полтона выше обычного ей вслед: «В этом нет логики, но вы – единственная, кто видит мою бестелесную душу. Она не принадлежит ни вашему воображению, ни метеофронту, ни даже мне самому. Я связан одним обещанием, данным ребенку. Он тяжело болен, но все же больше живой, чем я. Помогите мне. Прошу».

Марина замерла. Она не могла поверить услышанному. Нет, конечно, случалось и ей читать романы, где сюжет строится на подобных научно не доказанных явлениях. Но увидеть блуждающего призрака на собственном балконе, согласитесь, не самый приятный сюрприз. Сама мысль об этом казалась ей такой же неправдоподобной, как акт унижения педагога девятиклассниками для их родителей. Между тем утешительно было то обстоятельство, что Марина Владимировна не сошла с ума. Или сошла, но не совсем, не окончательно. Она обернулась и приняла удобную позу, выражающую желание слушать и слышать.

«Если все это правда и вы – несчастный странник между жизнью и смертью, тогда какова моя роль в этой пьесе?» – без пафоса и цинизма спросила она.

«Это нам еще предстоит узнать, иншала», – сказал доктор

Хан и начал свой удивительный рассказ.

Доктор Хан поведал о нечеловеческих условиях, в которых ему приходится работать. О нехватке медикаментов, квалифицированного персонала и растущем числе беженцев из Афганистана, нуждающихся в профессиональной медицинской помощи. У многих почти нет шансов на выздоровление, но за спасение пациентов он готов рисковать даже собственной жизнью. Деревня Асколе в Каракоруме – уникальный регион Северного Пакистана, откуда начинают свой путь участники горных экспедиций. Асколе славится частыми сходами лавин и селей, вследствие чего первой медицинской помощи здесь приходится ждать несколько дней. У роженицы народов балти произошло неполное отхождение плаценты во время стремительного рождения первенца. Жизнь матери находилась под ударом, но местная повитуха не могла определить причину недуга. Тогда послали за доктором Ханом, который, по счастливой случайности, навещал знакомого пациента в тех краях. Спасти мать и дитя удалось, а вот жизнь самого спасителя была теперь в руках Аллаха. По пути обратно из Асколе на переправе сошла лавина. Обширное кровоизлияние в мозг, кома. Но самое ужасное – невыполненное обещание, данное афганскому мальчишке с больным сердцем. Бахтияр поступил в военный госпиталь три месяца назад, и все это время доктор Хаджи Хан уговаривал ребенка бороться за свою жизнь. «Ведь если сам пациент не борется за свою жизнь, опускает руки, не верит в исцеление,

труд врача будет бесполезным», – глубоко убежден доктор Хан. Но мальчик не хотел бороться не потому, что не верил пакистанским врачам. Он просто не видел для себя смысла, не находил ни одной достойной причины ради борьбы, ради будущего, которое представлялось ему предсказуемо печальным. И тогда доктор Хан спросил у малыша, о чем он мечтает. Семилетний Бахтияр, потерявший родителей, дом, отечество и веру в себя, мечтал найти «волшебный балкон», где хранится самый ценный клад из всех кладов на земле! Об этом рассказал ему русский солдат, спасший мальчика и доставивший в госпиталь. Русский сказал, что в Москве по адресу Нащокинский переулок дом 4 есть необычный балкон, который держат на распахнутых крыльях два гордых орла. В этой квартире с балконом спрятан клад, которым хотят обладать все люди земли.

«Что же это за сокровище такое?» – с неподдельной заинтересованностью спросил доктор Хан.

«Великая мудрость: **ДЛЯ ЧЕГО МЫ ЖИВЕМ?** И почему **ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА**», – ответил мальчик, – русский сказал, что в несущей стене квартиры с балконом есть кирпич. На нем надпись – № 33. Если хорошенько на него надавить, тайник откроется и на обратной стороне кирпича будет ответ. Это и есть сокровище. Хотел бы я получить его».

Доктор Хаджи Хан обещал Бахтияру во что бы то ни стало побывать в доме с волшебным балконом и заполучить для него великую мудрость, если тот приложит все усилия и

мужественно перенесет операцию. Мальчик сдержал обещание. А доктор Хаджи Хан, выходит, подкачал.

«Вы не поверите, но этот балкон в московской квартире для больного мальчика – настоящая Шангри-Ла. Он искренне верит в его существование, вам что-нибудь известно об этом?» – спросил посыльный.

«Впервые слышу. Никогда не была не в Шангри-Ла, ни в Нащокинском переулке, а может, просто не замечала», – равнодушно ответила Марина Владимировна, хотя история бедного ребенка ее тронула, и авторитет доктора в ее глазах рос в геометрической прогрессии.

«А почему вы пришли ко мне? Перепутали балкон?» – события фантастической истории стали складываться в объяснимый сюжет.

«Увидел орлов с распахнутыми крыльями! Зрение у меня, надо сказать...» – доктор впервые рассмеялся. Даже смех этого надежного, как утес, человека вызывал восхищение и радость.

«Орлиное! Выходит, я – орел? Двуглавый, наверное. С чувством юмора у вас порядок, доктор», – Марина смеялась впервые за несколько дней.

«Без чувства юмора в медицине делать нечего. И кстати, орлы действительно были. И тот, второй, похоже, все еще там. Ждет своего часа», – убеждал призрак.

«Какой такой второй? Есть еще кто-то вроде меня? Где? На крыше?» – Марина указательным пальцем направила ход

мыслей собеседника.

«Там, – доктор этим же пальцем перевел взгляд заинтригованной женщины на балкон соседей справа. – И судя по всему, его причина – куда посерьезней вашей. Хотя... Возможно, закаляется».

Марина заглянула на соседский балкон. Орел упорхнул, зато в квартире Смирновых шли ожесточенные сражения. Молодая блондинка, супруга Максима Сергеевича, умоляла мужа не сходить с ума и не устраивать скандал. Входная дверь хлопнула, и Агния, так зовут вторую половинку Смирнова, бросилась на балкон с жуткими воплями: «Беги, Толя, беги!!!» Внизу по тротуару в одном только нижнем белье удирал герой-любовник, стойко перенесший пугающий ливень, который теперь почти закончился. Марина Владимировна и совестливый призрак доктора Хаджи Хана смотрели вслед так и не взлетевшей птице, загадочно улыбаясь, каждый о своем.

«Интересно, на том кирпиче под номером 33 ничего не сказано насчет того, почему людям всегда мало? Мало одной жизни, одной машины, одной любви», – задумчиво спросила она, не надеясь получить ответ.

«Ответ на этот вопрос до смешного прост. Хотите знать, почему?» – ответил доктор.

«Хочу. Знаете?» – Марина развернулась лицом к Хаджи Хану.

«Есть такой закон «Баланс противоречий», вы наверняка

слышали, что женщина должна родить троих детей: за себя, за мужа и хотя бы за одну бесплодную женщину. Так же и в любви. Есть те, кто или не умеет любить, или не хочет, или просто некогда, слишком занят спасением мира. Так вот за них приходится отдуваться остальным. И так во всем», – на этот раз доктор не смеялся.

«В Пакистане вам, наверное, нет равных в сочинении нелепых теорий», – улыбнулась Марина.

«Тут вы не ошиблись. Равных нет. Зато утешает. Ведь утешает? Хотите, я и вам утешающую теорию придумаю, надежный щит рыцаря отдам в защиту прекрасной дамы».

«Даме нужен не щит, а рыцарь и крохотное место под солнцем. Хлопчатник в тени не растет», – впервые Марина Владимировна призналась в том, чего действительно желает.

«Я к вашим услугам и, как почетный холостяк Пакистана, заявляю, что счастье женщины в ее руках! Не смейтесь, я не шучу. Знаете, что надо сделать, чтобы выйти замуж? вы будете удивлены и не поверите мне, но стоит попробовать, вы узнаете, что это работает. А все холостяки мира скрывают этот секрет по понятным причинам», – в глазах завидного жениха читался смертельный недостаток – боязнь быть пойманым в сети брака.

«Вы меня заинтриговали. Расскажите мне, доктор Хан», – воодушевилась Марина.

«Любая, имеющая серьезное намерение выйти замуж женщина, независимо от возраста и пунктиков в биографии,

должна каждый день покупать маленькие букеты цветов, желательны полевых, – ромашки, незабудки, безошибочный вариант, кстати сказать, – васильки», – уверенно начал мужчина-призрак.

«Такие букетики продают бабушки у метро. О них речь?» – перебила как будто посвежевшая Марина.

«Возможно. У нас горы, ледники и цветы повсюду. Метро нет. А бабушки, конечно, тоже есть. Но даже они практикуют этот метод. Так вот. Каждый день с маленьким букетом цветов ходите по улицам, в гости, на выставки и разные людные места, подойдет даже метро. Цветы – это сигнал того, что вы – «свободная невеста», а не какая-то старая дева», – доктор залюбовался, рассматривая правильные черты красивого лица немолодой, но такой очаровательной женщины. Ее глаза сияли в точности так, как сияли глаза ребенка, зараженного идеей найти «волшебный балкон».

«Спасибо, рыцарь Хаджи Хан. Я обязательно попробую», – Марине хотелось остановить время.

«У вас все получится. Женщина с цветами – магнит для любви. А цветущая женщина – ее выражение. Мне пора».

Дождь закончился, и над «балконам с орлами» появилась радуга.

«Какая красивая сказка», – Марина не могла оторваться от глубоких карих глаз Хаджи Хана.

«В жизни каждого есть место сказке. Взгляните», – он ука-

зал на двойную радугу, раскинутую словно мост между двумя мирами.

Марина Владимировна и доктор Хаджи Хан смотрели в одном направлении.

«Вы продолжите поиски?» – нарушила тишину Марина.

«Я думаю, я нашел то, что искал», – сказал призрачный гость из Северного Пакистана и бесследно исчез.

Марина все еще любовалась чудесным явлением природы.

«Хотя бы карту возьмите. Я сейчас поищу», – она обернулась, но рядом никого не было.

Необъяснимая тоска уколола между лопатками, опустив распахнутые крылья гордого орла. Марина села на корточки, закрыла глаза руками и неожиданно поняла. Все поняла.

«В чемодане. Карта в чемодане! Как я раньше не вспомнила? Потеряется ведь иностранец мой», – засуетилась она и кинулась искать чемодан под этажеркой.

Открыв совершенно новый, не видевший ничего дальше этого балкона за всю его жизнь чемодан, она обнаружила в нем карту. Карту мира. Марина подумала, что чемодан – идеальный тайник для шкатулки сбережений с музыкой на черный день, а потом прогнала эту мысль позорной метлой, и тогда все встало на свои места.

Чемодан, карта и музыкальная шкатулка – идеальный минимум, чтобы начать жизнь! Ничего лишнего и второстепенного.

«Купить цветы у метро, позвонить Варваре, убрать хлоп-

чатник, – думала она, надевая резиновые сапоги, – в Каракоруме сейчас, наверное, сыро».

Отец появился, как всегда, вовремя. С порога начал бранить и наставлять Марину, пока не осознал, что «великий момент», который выжившая из ума дочь предсказала коробке чая, вершится прямо на его глазах.

«Куда ты?» – стабильно недовольным голосом спросил он.

«Уезжаю», – решительно ответила она.

«Куда? Укол пора ставить», – причитал старик.

«В Пакистан. Варвара скоро будет», – коротко и внятно сказала беглянка и поймала себя на мысли, что сожаления и страх оказаться плохой дочерью больше не беспокоят ее.

«Куда ты, Марина? Зачем ты это?» – отец испуганно кричал ей в след.

«Устраивать мою жизнь, папа!» – донесся победоносный клич из прихожей, и входная дверь навсегда захлопнулась.

Отец стоял растерянный и беспомощный. Его глаза наполнились слезами. Он вышел на балкон и выглянул в надежде увидеть ускользающую дочь.

«Марина! Мариночка! Дочка. Ты нужна мне, я без тебя пропаду! Вернись», – кричал он шепотом в пустоту.

Старик увидел, как молодой парнишка с букетом из воздушных шариков, стоя на тротуаре, радостно выкрикивал соседке в верхнем этаже: «Варенька! Выходи за меня!». Шарик выскользнул из его рук и полетел в небо. Их полет провожал взгляд ребенка, запертого глубоко внутри Влади-

мира Лукича.

Щелчок. Еще щелчок. Еще и еще. Опять и снова. Едва заметный звук раздавался совсем близко. Владимир Лукич обернулся и увидел хлопчатник. Плотные коробочки одна за другой открывались на его глазах, обнажая мягкий белый пух.

Поразительно, как за секунду до финиша даже при абсолютной глухоте начинаешь различать очевидное.

Пятнышко

Сказка о предрассудках

Дело было на Земле. Это такая планета, жители которой слишком большое значение придают мелочам.

На свет появилось Пятнышко. Как оно возникло и для чего – никому не известно. Но его появление вызвало целую череду событий, очень неприятных для некоторых землян. В особенности для тети Поли, которая утром следующего дня собиралась стать крестной мамой одной хорошенькой девочки. Именно ей в подарок тетя Поля купила крестильное платье ангельски-белого цвета, где и возникло Пятнышко.

В золотой упаковке с огромным бантом крестильное платье уже через час доставили маленькой Маше. Подарок тети Поли вызвал настоящий восторг у ребенка. Машенька без конца крутилась перед зеркалом, любуясь своим отражением. Мама и папа души не чаяли в пятилетней дочке. Они

не могли дожидаться утра, как будто не крестить Машеньку собирались, а замуж выдавали взрослую невесту. Той ночью Маша, ее родители и даже тетя Поля смотрели удивительные сны. Никто из них даже вообразить не мог, что завтра случится самая неприятная неприятность.

Ровно в десять утра и без опоздания семья Кукушкиных явилась в храм. Тетя Поля приехала тремя минутами позже и, ожидая приглашения семейства на церемонию посвящения, принялась рассматривать Машеньку в нарядном платье.

– Ах, какое загляденье! До чего же ты прекрасна, Машенька, в этом платьице! Совсем как принцесса! – нахваливала тетя Поля без пяти минут крестницу.

– Платьице великолепное! И как хорошо сидит, – отметил папа.

– Как нам повезло с крестной, правда, Машенька? – распиналась мама.

Многочисленные комплименты смутили маленькую модницу. Маша принялась накручивать на пальчик непослушную кудряшку, подняв обе руки.

– А какие у Маши красивые волосы! – не унималась тетя Поля.

– Пятнышко! – испугано воскликнула мама.

– Где пятнышко? Зачем пятнышко? – спохватился папа.

– Вот же оно, на платье, у Маши под мышкой, – мама ткнула пальцем в еле заметное несовершенство вишневого цвета.

Четыре пары глаз с осуждением уставились на пятнышко.

А Пятнышко обрадовалось, что его наконец-то заметили, и расплылось в улыбке.

– Какой кошмар! – возмущалась мама.

– Неряшливость Машеньке не к лицу! – добавил папа.

– Досадное недоразумение, – извиняясь, пролепетала тетя

Поля, – ты, Машенька, ручки сильно не подымай, ладно?

Машенька кивнула. А мама схватила девочку и потащила к умывальнику.

– Надо избавиться от пятнышка. Негоже крестить ребенка в грязном платье, – категорически заявила она.

– Нехорошо это, – согласился папа, – примета плохая!

Все разом кинулись спасать машин наряд. Что они только не делали! Застирывали, парили, утюжили, затирали, – все без толку! Вывести пятнышко ничем не удавалось.

Ставшее теперь еще больше Пятнышко не унывало. Веселилось и краснело от частых прикосновений, наверное, щечки боялось.

Семью Кукушкиных пригласили пройти в зал. Двери отворились, и приятный голос попросил занять свои места.

– Мы не можем этого сделать. Мы не готовы. Платьице испорчено, настроение тоже. А если примета дурная и пятнышко никак не устраняется, так, может, это знак? – огорченно сказала мама.

– Я совершенно с тобой согласен, не нужно Машеньку в таком ужасном одеянии крестить. Надо поехать переодеть ее, – предложил папа.

– Не хочу я переодеваться! Мне это платьишко с пятнышком нравится, я в нем хочу креститься, – заупрямилась Маша.

– Я тебе, Машенька, другое платьице, еще лучше куплю, – уговаривала расстроенная тетя Поля.

– Не нужны нам ваши подарки. Если бы мы наше платье надели, ничего бы этого не случилось, – обронила мама.

– Это точно. Наш наряд ничем не хуже, – поддержал папа.

– Может, вам и крестная уже не нравится? – возмутилась тетя Поля.

– Крестная должна внимательно относиться к выбору подарков, на то она и крестная, – не успокаивалась мама.

– Верно. Может, вы это платье на распродаже купили или, того хуже, в комиссионке, – последнее слово папа произнес тише тихого, будто ругательство, которые говорить запрещается, особенно в таком месте.

– Да как же вам не стыдно! Я от чистого сердца самое дорогое платье выбрала, – оправдывалась разжалованная крестная.

Их спор мог бы еще долго продолжаться, если бы не мудрое наставление святого отца. Видно, оттого его так и называют, что любое безобразие прекратить может.

– Сколько шума из-за такого маленького разногласия. Если пятнышко так вам не угодило, подарите платьице тому, кто сам себе позволить не может и будет рад даже передаренному подарку, – подсказал святой отец, – а крестить девочку

в другой раз приходите. С тяжелым сердцем такие дела не делаются. Идите с Богом.

Так закончилось многообещающее Машино утро, и наступил хмурый вечер. Мама и папа молча смотрели телевизор. Они вернули платице тете Поле, решив, что она лучше знает, как распорядиться подарком с изъясном. А тетя Поля побежала в магазин в надежде вернуть уплаченные деньги. Но в магазине ей сказали, что, мол, «подарочки не отдарочки», коллекционные модели одежды возврату не подлежат. Зато потом уволили продавщицу, на которую пало мертвым грузом подозрение в порче товара. Несчастливая продавщица конфеты любила, и повсюду их с собой носила. Вот и вчера объедалась конфетами с фруктовой начинкой, когда заворачивала платице для Маши в красивую упаковку. Увольнение продавца тетю Полю не обрадовало. Искать новых владельцев пятнышку на платье ей было некогда, и она решила снести бракованную вещь в комиссионный магазин, как и завещал во всем согласный с мамой папа. А тем временем Машенька не вышла к ужину. Мама и папа осторожно отворили дверь в ее комнату и уложили заснувшую в кресле малютку в кровать. За подушками мама обнаружила свою потерянную вишневую помаду. Мама догадалась, что находка была самой настоящей уликой. Вот только уличала помада не маленькую Машу в неосторожности, а саму маму. Ведь она поняла, что напрасно обидела тетю Полю, но папе об этом не сказала, чтобы он с ней не согласился.

Пятнышко открыло глаза и удивилось. Как много красивых и печальных вещей окружало ее: блестящие сапоги на высоких каблуках с чуть затертыми носиками, старомодные валенки Деда Мороза, изящная кофточка в квадратик с оторванной биркой, выгоревший на солнце свитер болотного цвета с капюшоном, – все они были изгнанники. Пятнышко подумало о том, как печально оказаться никому не нужным, ведь когда-то даже этим погибающим теперь вещичкам кто-то был рад. Ему вспоминалась счастливая улыбка Маши и довольные глаза взрослых. Пятнышко зажмурилось и уснуло.

А утром в магазин с ободряющим названием «Вторые руки» зашла девушка. Она была странно одета. Красная шапка с большим помпоном и круглые зеленые очки, разного цвета ботинки на высокой платформе и сумка, сшитая из оторванных карманов. В общем, – нелепый покупатель нелепого магазина. Девушка перемерила все, что было, но когда ее тонкие руки потянулись к крестильному платьицу, глаза несуразной покупательницы чуть не выпрыгнули из орбит.

– Мечта всей жизни! Жаль, размерчик маловат, – сказала жизнерадостная гостя и подхватила Пятнышко на руки.

Она выбрала две пары растоптанных ботинок, побитые жизнью очки пилота, недоваренные варенки с дырой на коленке, желтый сарафан и белоснежное платьице с вишневым пятнышком под мышкой.

– Обедать не буду! На пару опоздаю! – крикнула девушка соседке по комнате, закинув сумки с покупками в общежи-

тие института самых настоящих художников.

– Посмотри, сколько прелестного я откопала! Вернусь, займемся делом!

Непоседа скрылась за дверь. А соседка по комнате, спокойная и большая, как холодильник, равнодушно посмотрела на сумку с безделушками и завалилась спать. И Пятнышко тоже провалилось в глубокий сон.

– Кому нужен Вьетнамский летчик, влюбленный в фиалку? Ты, должно быть, с луны свалилась, – послышался голос «из холодильника» рядом.

Пятнышко распахнуло глаза и увидело, как угрюмая соседка чудаковатой художницы пришивает большие пуговицы текстильной кукле вместо глаз.

– С ЧеПаТи! – весело ответила художница.

– Это еще что? – поинтересовалась подруга.

– Я упала с планеты ЧеПаТи. На моей Родине вьетнамский летчик, влюбленный в фиалку, кому-то обязательно нужен, – резюмировала фантазерка в зеленых очках.

Только сейчас Пятнышко осознало, что происходит в этой крохотной комнатке. Студентки института художеств покупали старые ненужные вещи и создавали из них необыкновенно красивых живых кукол. Выцветший желтый сарафан превратился в обаятельного вьетнамского мальчика. На нем был модный джинсовый комбинезон, сшитый из недоваренных варенок, и выкрашенные в лиловый цвет старые очки пилота, а в руках он держал сундук с живой фиалкой. Сун-

дук был сделан из тех самых растоптанных ботинок, купленных, как, впрочем, и все остальные вещи, в магазине «Вторые руки». Однако истинное волшебство заключалось в выражении лица мальчика! Казалось, он отыскал настоящее сокровище, и теперь ему не терпится рассказать об этом миру. Пятнышко улыбнулось Вьетнамскому летчику. Впервые оно видело, как сотворятся чудо.

– А с этим что собираешься делать? – указала на крестильное платье неприветливая соседка инопланетянки.

– Разве не ясно, что это «подарок небес»?! Сейчас ты в этом убедишься, – ответила художница с планеты ЧеПаТи и стала копаться в верхнем ящике стола.

Пятнышко распирало от любопытства! Интересно, в какую куклу может оно превратиться в умелых руках волшебника? Но когда перед глазами сверкнуло холодное лезвие портновских ножниц, Пятнышко сжалось от мысли, что его присутствие на белоснежном полотне может показаться нежелательным творцу. Все опасения маленького недоразумения размером с горошинку оказались напрасны. Уже через пару дней Пятнышко красовалось на щечке Рождественского Ангела с широко распахнутыми глазами фиалкового цвета.

– Он так прекрасен, что расставаться не хочется, – печально сказала художница, которую, кстати, звали Ангелина.

– Мы обещали сделать кукол в срок. Пойдем сейчас, ярмарка скоро закроется. А себе ты еще таких ангелов сто ты-

сяч штук сделаешь, – сказала прагматичная соседка и стала обуваться.

– Не выйдет, он такой один, особенный, с родинкой на щечке, – задумчиво объяснила фантазерка Ангелина.

Художницы отнесли «Вьетнамского летчика, влюбленного в фиалку» и «Ангела с родинкой на щечке» в лавку на площади, где оживленные покупатели слонялись в поисках оригинального подарка на Рождество. Ярмарка почти закончилась, но хозяин лавки пришел в восторг от полученных кукол и хорошо заплатил мастерицам.

– Не грустите, ребята! вас выберет тот, кому вы правда нужны, – последнее напутствие девушки с планеты ЧеПаТи прозвучало по-детски наивно.

Тетя Поля не могла усидеть спокойно дома в такой морозный вечер. Ей было трудно согреться даже у камина, потому что на сердце «кошки скребли». Такое случается с теми, кому приходится встречать Рождество без детей. Ведь настоящее Рождество без радости детей совсем не веселое получается. Прогуливаясь на площади, тетя Поля любовалась счастливыми ребятишками, выбирающими подарки себе и близким. Она подумала о Машеньке, которая, должно быть, в эту ночь тоже мечтает о чудесах. В тот момент на глаза ей попался Рождественский Ангел, согревающий крыльями Вьетнамского мальчика с фиалкой. Сомнений не было, лучший подарок для Машеньки найден! Позабыв о недав-

ней ссоре, тетя Поля постучала в двери семейства Кукушкиных. Родители обрадовались визиту непрошеного гостя. Мама Машеньки принесла извинения и пригласила к столу. Тетя Поля извинения и приглашение приняла, а папа с мамой во всем согласился. Он всегда был послушным.

– У меня есть подарок для тебя. Не могу удержаться до завтра, открой, – тетя Поля осторожно протянула небольшой сверток Маше.

Девочка бережно сняла упаковку и обнаружила чудесного ангела внутри. Она рассмотрела куколку со всех сторон и, увидев пятнышко на щечке, радостно закричала:

– Пятнышко! Я назову его – Пятнышко! – счастливая Маша спрятала Ангела под мышку и побежала в комнату, поцеловав раскрасневшуюся тетю Полю.

– Это не просто пятнышко, – смутилась гостя, – это родимое пятно, так придумал художник.

– В этом нет ничего дурного. Даже у Ангела может быть родинка на щечке, – рассудил папа.

– Будьте нашей крестной. А с мелочами мы как-нибудь вместе разберемся, – предложила Машина мама. И все вместе они стали пить какао с маршмеллоу. Этот сказочный вечер оказался волшебным и для «Вьетнамского летчика, влюбленного в фиалку», которого купила та самая несчастная продавщица. Должно быть, только он мог понять ее необъяснимую любовь к сладостям.

Глеб Симанов
г. Челябинск

Из интервью с автором:

Очень хороший и вежливый мальчик. Скромен.

Добр. Правдив. Слушает маму и каждое утро делает зарядку.

Характер мягкий. Не женат.

Окончил физический факультет СПбГУ, есть публикации в сети.

© Симанов Глеб, 2017

Кораблик

Сделай мне кораблик. Вырежи из дерева.
Из бумаги – промокнет. Нахлабается соленой воды.
Вырежи кораблик, чтобы был виден с берега.
С берега нашей ванной. Из дерева – и лады!

Выпили так, чтобы был капитанский мостик,
Палуба в чешуе русалок и колесом штурвал.
Чтобы тугие снасти свистели, а матросы играли в кости.
Те самые, из «Русского», – которых художник нарисовал.

Выточи мне кораблик. Только чтоб были мачты,
В треске которых слышен дерева томный страх.
Выточи перочинным. Чтобы гудела смачно
В парусе, повидавшем память о всех ветрах.

Выпили киль надежный. Киль волевой и острый.
Чтобы не страшно было – в кафельный океан.
Главное чтоб из дерева! Вырежи на нос ростру.
Выдолби трюм для рома, чтоб капитан был пьян.

Сделай же мне кораблик! Как следует – по науке.
Из дерева – настоящий. Чтоб не тянул ко дну.
Выруби весла. Весла без ветра спасут от скуки.
И капитан не будет выброшен за корму.

В шторме проверим крепость рук, парусины, борта.
Мачты потонут в брызгах. Слышишь тугой их стон?
Вырежи мне кораблик. Кораблик такого сорта,
Который из всякой бури чудом всегда спасен.

От берега нашей ванны, разрезав волн нахлесты,
Кораблик поверит в море. Поверит, что края нет.
Сделай такой кораблик, ведь это довольно просто...
Сделай, и он откроет какой-нибудь новый свет.

На борт шагнем задорно – рому старым пиратам!
Отведаем белой пены – соленые гребешки.
Море отодвигает границы твои стократно.
Качает. Под крики чаек простор для лихой башки.

Борей нам расправит спины. Перевернет страницу.
Полярной звезде доверим вести нас на край земли.
Представь, лунный серп, и море внизу серебром волнится
И звезды в глубоком небе, точно в костре угли.

Выруби мне кораблик. Я знаю, без лишней жалости
Наждак отшлифует занозь. Исправит все виражи.
Сделай же мне кораблик, Дедушка, пожалуйста!
В полдень я отплываю. Я начинаю жизнь.

Лишь сорняк пробивается сквозь асфальт...

Лишь сорняк пробивается сквозь асфальт,
плюс – деревья, но эти – другой замес.
Отправляйся хоть по морю что ли как новый Чайльд,
но сумма не меняется при перемене мест.

Так учил я сидя за школьной партой,
и жизнь представлялась длинной, что шаг папани;
я с тех пор семенял с ней рядом и спал под картой,
забирался по ней в места, где кличут мадам и пани.

И как будто бы вынес такой мотив,
что сорняк пробивается лишь сорняк;
против догм и традиции, супротив,
раздирая щебень, металл, плитняк.

Сорняку не надобно твердой почвы,
он уместен будет в любом ландшафте, масти;

он не пишет писем, не ведаёт индекс почты,
как не ведаёт грабли судьбы или тяпку власти.

Я становлюсь прозрачным...

Я становлюсь прозрачным, я обретаю лёгкость;
В сердце моем открылась чертовски большая ёмкость.
Дрожью наполнен воздух; я становлюсь стеклянным.
Мысли мои в распаде; привкус несносно пряный.

Спать стало сложным делом: каторжно, тяжко, жарко;
Душа не слушает тело, да и плевать, не жалко.
Время куда-то делось; я устаю от дрожи;
Эти прикосновения становятся все дороже.

В этой моей пустыне, где я бродил доселе,
Нынче есть руки, взгляды, – это крутое зелье!
Что же со мною случилось? Что я без этих пальцев?
Сердцу претит усталость, разум теснит нахальство.

Жан-Клод уважает простую жизнь...

Жан-Клод уважает простую жизнь в мерном расходе сил;
Не вылезает из старых джинс и стоптанных мокасин.
В церковь не ходит: «к чему ходить, коли не согрешил?».

Жан-Клод никогда не любил спешить, не покорял вершин.

Любит зайти зацедить стакан, посетовать на жену,
Мол, стоило раз угодить в капкан, – и вся твоя жизнь ко дну.

Навек замурован в семейный быт, под строгий супружний взгляд;
В споры извечные, кто храпит; в вывод своих цыплят.

В тихой провинции нет траншей, но климат тут напряжен:

Жены песочат своих мужей, мужья распекают жен.

Внуки разъехались, дети шлют открытки на Рождество;

В доме – все скатерти да уют, будничных дел раствор.

Жан-Клода тянет в знакомый бар. Суббота, с утра дождит.

Стаканчик-другой пропустить: «нектар» желудку не повредит.

Жан-Клода все кличут по-свойски Жак, патрон наливает в долг;

Он в курсе событий на рубежах: спасибо, канал France Deux.

В настольном футболе он крут, мастит; кивают: «его стезя»;

О, как распяляется, пропустив, сухим кулаком грозя!

И кто бы он ни был: добряк, брехло, последний из могикиан, —

В провинции сонной царит Жан-Клод, местный трактир,

стакан.

Его атрибуты видны, ясны, имеют свой вкус и вес,
Их чуешь спиною. Конец весны, терраса, кривой навес.
Кафе, вязкий пригород, выходной; туман и все, как в
бреду.

Жан-Клод мог вполне оказаться мной в далеком своем
году.

Мог так же пить кофе, ленив, небрит, на стул оперев свой
зонт.

Вдыхать этой жизни неспешный ритм и этот парной озон.
Коситься брезгливо на стариков и все ж снизойти: «года».
Они до скончания своих веков не двинутся никуда.

А много ли надо, когда ты стар: собака, петанк, очки;
Стал в пятый раз дедом, сутул, устал; боишься за
кабачки.

Но в этой стабильности, милый друг, в недвижной ее воде
Я вижу спасательный жизни круг, спасительный для
людей.

Так в мерном течении похожих дней шевелится жизнь
моя.

В какую землю пустить корней, откуда моргнет маяк?
Покуда есть пригород и Жан-Клод, нас тянет на корабли,
Нас манит опасность, запретный плод, обычаи чужой
земли.

И мы покидаем свои дома, привычный уклад вещей;
Ныряем туда, где не видно дна, лезем в любую щель.
И стоит вспомнить окраин сон, их мерный здоровый

храп;

Треплю многословных всегда персон, неспешных, как донный краб.

И ясно, что этим даны их дни – вариться в простом соку,
И время проносится мимо них на полном своем скаку.

И дабы, о жизни своей сказав, не чувствовать едких мук,
Взглянуть полезно на то, что за... за дверью твоей, мой друг;

Тропою тернистой свой путь вести и жить везде налегке,
Чтоб после спокойствие обрести... в маленьком городке.
Мой кофе остыл, по стеклу ползут набухшие капли. Пар.
И день, что – то ли пустить слезу, то ли податься в бар.

Суббота, провинция, в смысле дно, терраса, сырой плетень.

Жан-Клод тихо курит, глядит в окно, и дождь моросит весь день.

Греческая баллада

Мерно шает¹ закат, полосую пунцовой закат;
В толчее облаков потерялся горячий дукат;
Мерно тлеет лоскут, точно уголь за створкой печи,

¹ Шает (*сев. Сиб.*) – горит без пламени, тлеет; тает, топится, плавится, распускается, растворяется.

Раздуваемый в мягких клубках синеватой парчи.
Только тихий плеск волн, мы сидим на мостках, ты и я,
Как две капли воды, обрамляя пейзажа края.

Термаикос, ласкающий город на синих холмах,
Тихо барку баюкает в мягких лазурных волнах.
В тихих синих волнах я усталый свой взгляд погашу:
Безмятежный пейзаж акварельною кистью пишу.
Слабый ветер на губы приносит свой вкус соляной;
Мне не надо картины иной, мне не надо иной...

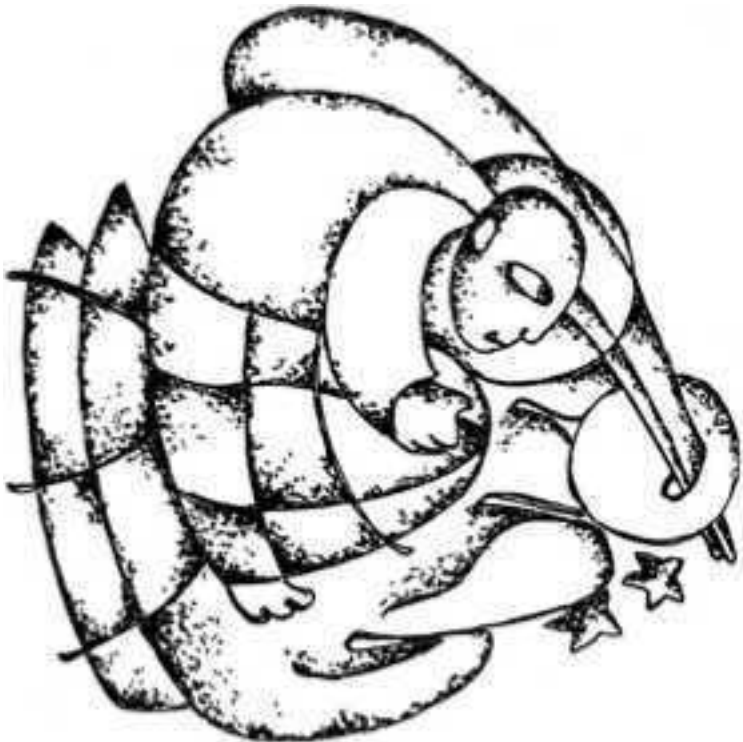
Резкий присвист блесны – вот безмолвная суть рыбаков;
Бродит ощупь вдали маяка по горбам облаков;
В пелене синеватой без цели блуждает буксир,
Чуть качает его набегающей ряби курсив.
Только теплый плеск волн; через дебри чужих языков

Мы бежали уютных оков... этих тесных оков.
Мы бежали, на сушу ступали за семь за морей,
Мы в проемы ступали открытых судьбою дверей;
Шанс дается судьбою – за нами его угадать;
Только надо шагать, непременно и смело шагать.
Слабый ветер прохладу несет... что мне шепчет вода,
Тихо шепчет вода; ты меня вспоминай иногда,

Вспоминай Александра в седле, с обнаженным мечом;
Башни каменный ствол коренастый с его кирпичом.
Белой башни зубцы, непреклонная верность бойниц
Знает лязг кандалов, и ступени, и холод темниц,

Помнит страсти все те же, богатых империй закат.
Отчего горизонт так покат, отчего он покат?

Отчего он уносит меня... так уносит меня?
Оседающий сумрак меняет все контуры дня.
Чужестранка, ты мне не чужая в «носатой орде»;
Мы как будто встречались и раньше... но бог знает где...
Только мягкий плеск волн, наши тени лежат на берегу;
я его навсегда сберегу, этот сон сберегу...

Развалины замка

Эх, взять бы все это давно и бросить:
Интриги-вериги, власть...
Гоняет ветер осенний проседь
На старой моей главе.

На смерть приходящих топорно, ратно —
У дьявола ли украсть,
У бога ли выменять тех обратно,
Кто нынче лежит в траве?

Стена крепостная моя надежна,
С нее и гляжу окрест;
И жизнь многолика, быстра, картежна:
Судьбою случай вершит.
Мне выпала доля – хозяин форта,
И я несущу этот крест;
Но замок мой доброго вышел сорта —
Корона местных вершин.

По лесу кистью художник бродит,
Искрится роса на лугу,
Туман не туман – только что-то вроде —
Виляет вслед за рекой.
И низкое солнце уже не жарко,
Над лесом ведет дугу.
Мне, в общем, и жизни моей не жалко,
Когда тут пейзаж такой...

Мой недруг не дремлет, грозит осадой,
Нацелил свой trebuchet.
И мне остается идти с досадой
Готовить мои войска.
Мой верный слуга мне камзол утюжит.
Что будет с моим дюше?

Но замок мой крепок, я знаю, сдюжит,
Не то, что тот, из песка.

На склоне восточном царит виноградник —
По осени много дел.
Но хочешь, не хочешь, seigneur, ты – ратник,
Не все же цедить chartreuse?
Мой меч плотояден, тяжел, проворен —
Вовек на него не глядел б!
Эх, если б был я от расправы уволен,
Последний в роду Chevreuse...

Не глупо ли жизнь проводить при лязге,
При лязге шальных мечей?
И вечно гадать в этой дикой пляске:
Авось пронесет опять?
Мне выпало править, мое поместье
С рекой (не сказать ручей).
В вопросах коварства, расправ и мести
Известна мне каждая пядь.

Уставший от боен, я белой вороной
Смотрюся со всех сторон;
Я случаем был награжден короной,
И я не смыкал очей.
Давно не новость дурное свойство,
Побочное, всех корон:
Корону всегда окружает войско,
Прикормленный блеск мечей.

Я все повидал, я изведаль трона,
И мне опротивел свет.
Шумит подо мною устало корона,
Пускает листву кружить.
Почто не заботит нас то, какой мы
По жизни оставим след?
Долина мерещится мне покойной;
Мне только бы жизнь прожить...

Мне б только увидеть мою дикарку,
Раскосых очей восток...
Как та танцевала, кляла кухарку
За пресность. Хозяйка грез,
Сложу ли я меч, по своей ли воле...
С тобою и смерть – восторг!
Что встречу сегодня я в чистом поле,
Последний в роду Chevreuse?

Стена крепостная во мху, топчу я
Видавший былое вал.
И в сини стада кучевых кочуют,
Как отзвук далеких битв.
А в мирной провинции этой сложно
Представить, что ты воевал;
Тем паче, герцог, понять невозможно,
Как мог ты быть здесь убит.

Твой замок порос сорняком и плющом,

Колодца чернеет рот;
С подвалов тянет грибным, гниющим
Молчанием сырых камней.
Туристы по склону ползут, под арку
Шныряют входных ворот.

Все явней мерещится мне дикарка,
И мысли мои о ней.

Судьба

Судьба расставляет встречи
Всевластной своей рукою,
Как будто на чет и нечет,
Лишая тебя покоя.
И что, казалось бы, проще,
Ослиной душой перечить?
Вот только судьбиный росчерк
Похлеще любых затрещин.

Судьба играет на нервах,
Порою груба, как клещи;
Но екнет в сердечных недрах,
И глаз твой вдруг станет резче.
И, черт возьми, ты узрешь
Причины для этой встречи
И вдребезги захмелеешь,

Теряя пред ней дар речи.

Так, встретив мечту во плоти,
Мне крыться отныне нечем —
Читал я в глазах напротив
Куплеты степных наречий.
Так выпало мне судьбою —
Напело мотив влечений
Встающее за тобою
Наследие былых кочевий.

Так стал я твоею паствой,
И вирши тому порука.
Но, боже, как ты прекрасна!
Почто нам с тобой разлука?
Нелепо душе и грустно,
Коль ты от меня далече.
Рассудок утратил русло,
и время совсем не лечит.

Был вечер осенний...

Был вечер осенний, наполненный синью,
Густеющей синью, съедавшей фасад;
Был вечер в Париже, выдавшем Бастилию,
И плаху, и дым баррикад и засад.
В парижском кафе ветер тянет прохладу,

Волнует дыхание свечей на столах;
Играет вино, сердце просит балладу;
Балладу о смерти исполнит аллах.

Гудят разговоры, и дым сигаретный
Мешается с синью, и сыплется смех.
Вот только в ночи силуэт минаретный
Решает сегодня один за всех.
В парижском кафе мирно теплится вечер,
И с кухни приятно посуда гремит;
И кажется, будто наш мир бесконечен;
И верится слабо в какой-то лимит.

Вот только есть пули, свистящие пули,
Повисшие в сини на долю секунд;
Безликие пули, увязнув в пурпуре,
Земную дорогу навек пресекут.
Бокалы за стойкой огни дробили,
В убранстве уютный царил завет.
Они не узнали, за что их убили,
Прежде чем двинулись на тот свет.

В парижском кафе (точно с той картины)
Кошмарного бреда расцвел венец;
Но не было площади с гильотиной,
Ни тугой петли, на худой конец...
Был вечер осенний, ноябрьский вечер,
И ветер дыхание свечей качал;
Приговор невнятен, судья злоречен,

Твердолоба искренность палача...

В парижском квартале густеющий вечер,
Звенели то гильзы, то крик оглушал;
Насколько порою наш мир скоротечен —
Мы нынче не верим своим ушам...
И плещется синь в этой улице гулкой,
Уносит ушедшие в тень имена;
И если мы жизнь именуем прогулкой,
То вброд переходим мы реку без дна.

Письмо

Попрощаться, Маша, пришла пора,
Только мне не грустно: прошла хандра;
В этой сказке про нас – ты была гора,
А я был твой Магомет.
И я шел к тебе через сон в ночи,
Сквозь звонки, гудки, через сто причин,
Поднимался илом с морских пучин,

Чтобы ты мне сказала – нет.
Чтоб сказала уверенно и легко;
В самом деле – на кой я тебе, на кой?
Ветер с шеи уносит твоей Коко,
Волосами играет, гад.
Темноока и ростом почти с меня,

В черной кофте, закутываясь, маня,
Беспощадна ко мне и вообще к парням;
Нам навстречу кричит закат.

Этот парк запомнит слова, твой шаг,
Тишину, где палец к губам, мол, «ша»;
Только это и ломаного гроша
Не стоит, коль ты самец;
Для романтика важно дышать с трудом,
Через раз, как рыба – хватая ртом;
Ее голос – мурашками, а потом
Ее взгляд – и это конец.

Но меня миновал сей страстной инфаркт,
Может, я очерствел, может, просто фарт,
Пусть мы примем это как некий факт:
Не сошел по тебе с ума.
Через все твои присказки, фантазию,
Выкрутасы твои и мою возню,
Петергофского неба запой: мазню, —
Жизнь меня провела сама.

Без сердечных ран – и какой роман?
Только я извиняюсь – не тот дурман:
Я не впал в томление – держи карман...
Хоть и было: прическа, туш.
Без тебя я взаправдашне не скучал,
Есть дела, друзья, для души причал,
И если когда я о чем кричал,

То то был холодный душ.

Но а ты отошла, как вода в отлив,
Обнажившая ракушки на мели;
Педантичный мой разум не захмелив,
Сползла, как тень по песку.
Мне остался берег и птичий крик,
Под ногой устойчивый материк,
Для трагичности вящей Борей-старик
Мне насвистывает тоску.

Только я не печалюсь: дышу легко;
Этот воздух – холодное молоко,
Ветер с шеи уносит твоей Коко...
И пускай. И кому беда?
Что кручину искать там, где нет причин —
Не имея дом, теревить ключи?
И щемит лишь от пышности величин:
Мы прощаемся навсегда.

Навсегда, как и требует наш закон
Для приличной трагедии, испокон.
Но прощай, я шагаю за Рубикон;
Оставляю тебе дожди.
Говорят, мир тесен, но нас с тобой
Не сведет ни времени постовой,
Ни булыжник питерской мостовой, —
Так прощай, не пиши, не жди.

На заклатие приносим возможность встреч:
Драма требует жертвы, – об этом речь;
И неважно, как нам ее наречь, —
Мы расходимся к полюсам.
Да и что я здесь выдумал за напасть?
Мельпомене нужна лишь крутая страсть,
А такую ни выдумать, ни украсть;
А что нет – виноват я сам.

Так прощай же, Маша, adieu, всех благ.
Поднимаю не руки, но белый флаг;
А в ряды воздыхателей-бедолаг
Я не стану, – и черта с два.
Мне претит надежда на унисон,
Когда дело касается двух персон;
Вспоминай меня, коли найдешь резон.
Обнимаю: долой слова.

Светлана Сабадах
Казахстан, г. Темиртау

Окончила Карагандинский металлургический институт по специальности «Экономика и управление в металлургии». Во время учебы работала на Карагандинском металлургическом комбинате (ныне «АрселорМиттал Темиртау»): переводчиком с англ. языка, потом и по сей день – инженером снабжения инвестиционных проектов.

Публикации в темиртауских газетах.

© Сабадах Светлана, 2017

Из интервью с автором:

О, это хорошо, что надо рассказать о себе! Я ужасная «якалка» – копать в себе и говорить о ней же могу часами, пока всех вокруг не начнет тошнить от выдаваемого «сложнейшего комплекса эмоций».

Живу в маленьком (ой, чуть не написала – прифронтовом!) металлургическом городишке, где половина людей, соответственно, металлурги, а вторая – их дети и супруги. Вхожу в первую половину и во вторую. Город находится в Казахстане, Казахстан – на планете Земля, Земля – во Вселенной. Поэтому ощущаю себя частью Мира, а всех людей – собратьями (здесь потянуло нарисовать схемку наподобие тех, что делал Экзюпери в «Маленьком принце»).

Я за: чистоту, красоту, честность, живое общение, эксперименты. Обожаю осеннюю хандру, зимний сплин и весенний авитаминоз – в этих условиях лучше пишется и рабо-

тается. В двух словах – веселый трудоголик. (Как в том анекдоте: «Доктор сказал – психических расстройств нет, просто веселая дура»). Когда выдается свободная минутка (что бывает не так уж часто ввиду выращивания трех дочерей), устраиваю субботник, озеленяю двор, мощу из камня дорожку, организую праздники, работаю переводчиком.

Я против: безответственности, лени и сетевых игр.

Жизненное кредо – человек не имеет права быть несчастным.

Помимо поэзии, люблю классическую музыку и живопись – скорее интуитивно, сердцем, – ведь ни в первом, ни во втором, ни в третьем особо не разбираюсь.

Стихи пишу с детства, видимо потому, что не умею петь и рисовать, хотя в жизни приходится делать и то и другое. Пописывала себе «в стол», пока неравнодушные не затащили в сеть. Здесь я и обрадовалась, что «современная поэзия не умерла» и я не одинока. Иногда, по праздникам, печатаюсь в местных газетах.

Стихи люблю разные, от детских до акмеистских, лишь бы это было гармонично, искренне, стильно и неординарно. Этот принцип применяю и ко всему остальному.

Мечтаю выпустить симпатичную книжицу для детей «Маленькая Ра и другие стихи для детей»).

Мне 39 лет.

Хватит? А то я так долго могу...:)

Я женщина

Я женщина, лежащая на шкуре
В каминной зале, в отблесках огня,
Ты укрывал от бьющей в окна бури
Своими поцелуями меня...

Потом ты ждал. Глушила баня крики
И повитухи частое «Плоха...»
А помнишь, приносила костяники
Я для тебя на блюде лопуха?..

Я женщина, играющая в покер.
Твое второе имя – Флэш-рояль.
О, как прозрачно делает намеки
Помадой окантованный хрусталь!

Заметил ты, как я украдкой прячу —
Предательски знакомый аромат —
В разрезе платья пробники удачи
И родинки молочный шоколад...

И это я нарочно уронила
Себе под ноги веер кружевной.
Чтобы его мне подал мальчик милый
И жарким взглядом встретился со мной...

Я женщина с улыбкою Джоконды,
Ромашке приказавшая «люблю».
Официанты слушать мои стоны
Сбегаются: Mademoiselle Chante le Blues²...

Голландские одуванчики

Все ищут счастье. В черных зернах кофе,
Отобранных за Мутною Рекой:
Бросая в кипяток несчастья крохи,
Отождествляют счастье и покой,

Который только снится... и не снится.
Задумал май сиреням злую месть.
Так лихо каруселька жизни мчится,
Что с лошади на льва не пересесть.

Седеют одуванчики... лысеют,
Вьюнки в изнеможении ползут.
Плетут венки веснушчатые феи —
Из Нидерландов их не привезут,

Как розы, хризантемы и тюльпаны.
Уходит поезд... с пятого пути.
Нет, не успеть. Без ручек чемоданы

² Мадмуазель поет блюз (франц.).

Жаль выбросить. Опять идут дожди

По четвергам. В субботу – чьи-то свадьбы.
Ах, где я только счастья не искал!
Я был бы счастлив, если бы да кабы.
Возможно, и в постиранных носках

Его немножко есть. В тугой барсетке...
В сто лет назад написанных стихах...
В солонке у хорошенькой соседки...
Как будто начинает все стихать...

Вдруг резко – нараспашку мая дверца,
И снег черемух вянет на земле.
В лицо пахнуло позабытым детством
Вновь – от облитых клеем тополей.

Мы привыкаем сетовать на власти,
На невезенье, порчу, сглаз и рок.
А где-то наше родненькое счастье,
Несчастное, нас ищет – сбилось с ног.

Но маются и ищут счастье люди,
Энциклопедий тонны вороша.
Хм... вы когда-нибудь кормили грудью,
Прильнув щекой к ладошке малыша?

Чисто-белое кино

Метель в степи. Протяжно воет ветер,
В лицо швыряя жгучую крупу,

Нанизывая на железный вертел
Мою сиюмитную судьбу.

Все было честно. Даже штормовое
Предупреждение было нам дано.
Изнеможенье. Наважденье. Двое —
Я и метель. Разорвано звено

Между реальной явью и киношной.
Стихия... как же можно супротив?
Хотя теперь и модно, и возможно
Технически – раскрасить негатив.

Но с этим разноцветьем не согласна
Мириться вьюга: знай себе одно —
Все красит только монохромной краской.
Метель снимает белое кино.

Завтрак на веранде

Двенадцатое утро мая
Бесцеремонно улыбнулось,
Голодным гамом заполняя
Зевки не выспавшихся улиц.

Так много воздуха и света
В объятьях призрачной истомы,

Так сладко предвкушение лета,
Что выйти хочется из дома,

Где все промозгло, и обрыдла
Тоска каминного уюта,
Заплесневевшее повидло,
Преданья пледов пресловутых.

Свежи миндалевые дали,
И доли мятные мятежны,
Прохладны вздохи Цинандали —
Пусть этот завтрак будет грешным,

Веранду солнечно обрызгав:
Поджаристые хлебцы с тмином,
Упругий белый кубик брынзы,
Зеленый чай, пары жасмина;

Дрожащее желе рассвета,
Иных пленившее немало,
Не вдохновило лишь поэта,
Сопящего под одеялом.

Заламинирую любовь

Заламинирую любовь
И стану ею любоваться.

И можно будет не бояться
Пролить печали горький кофе,

Замять в кармане уголки —
Под пленкой полиэтилена
Ей море быта по колено.
Пусть не поглажены шнурки

И грудь вареньем не натерта.
Ей можно будет резать торты
И отскребать, как старый клей,
Тугую жвачку серых дней;

Используя ее как шпатель,
Все щели так законопатить,
Чтоб не просачивалась в грудь
Обид густая баламуть;

Легко, хвастливо и небрежно
Носить на лацкане, как бейджик.
Одев в прозрачную броню,
Ее надолго сохраню.

Заламинирую любовь...

Глаза-хамелеоны

У тебя глаза-хамелеоны —
Есть такой в природе дивный цвет.
Шелестят в них солнечные клены,
Излучая ультрафиолет;

Словно ей на небе места мало,
Мало глубины семи морей, —
В ободками сжатые порталы
Рвется синь хрустальных сентябрей;

Осторожность сумерек февральских,
Иней с можжевеловых ресниц,
Незажженность палочек бенгальских,
Голод ста беременных волчиц.

У тебя глаза-хамелеоны —
Иссиня-серебряный ментол.
Только он сегодня запыленный
Солью слез, уроненных в подол.

Мой ласковый и нежный День

Отражена будильника нападка,
И отделяет на мгновение меня
Лишь тоненькая кожаная складка
От только что родившегося Дня.

Он просит ласки, требует заботы,
Скулит и ставит лапы на кровать.
Да, делать нечего: пусть неохота,
Но мне придется все ж его начать.

Уж как он рад! Бежит за мной на кухню,
Подлизываясь чашкой кофейка,
Несет в зубах поношенные туфли
Без задников, с опушкой по бокам.

Он терпеливо ждет за дверью ванной,
Когда я окончательно взбодрюсь,
Лицом, душой и телом чище стану
И наконец вплотную им займусь.

Я в коридор, а он за мною следом,
Когтями исцарапал весь порог:
Мол, нам пора за молоком и хлебом,
Накинь скорей, хозяйка, поводок!

И так до вечера: то это, то другое,
То покорми, то уши почеси.
Ох, и умаялась я за день, День, с тобою.
Когда же ты закончишься, скажи!

На антресоли

Я житель старой антресоли.
Сюда заглядывает свет
Так редко, вспугивая молей,
Прокладывающих свой след
Неслышно в складках крепдешина —
Того, что мерялся в аршинах
И чаял зваться «туалет»,

Выпячиваясь кринолином.
Вокруг, в слежавшейся пыли,
Насквозь пропахшей нафталином,
Битком набитые кули
Забытым хламом. За стенами —
То чьи-то хриплые стенанья,
То пес оставленный скулит.

Я наблюдаю с антресоли
Со смесью страха и тоски,
Как шьют для чад своих Ассоли
Из алой ткани ползунки
И варят супчик из фасоли,
А Греи их, смолят, мусоля
Газет вчерашних уголки.

Вот в щель проскальзывает утро
Очередное. Резкий чих
Быт антресольного уюта
Ничуть не нарушает. Стих
На лестнице поспешный топот.

Я снова жду – о, тайный опыт! —
Минут молчанья золотых...

В парадной звуки поутихли,
И стало будто бы слышней
Сердцебиенье в паутине
Прожитых неприметно дней,
И застывает тусклый бисер
Безликих календарных чисел,
Мерцая холодно на ней.

Сгущалась грусть...

Сгущалась грусть гуашью мглы,
Грязцой коричневого цвета,
Каким мы красили полы
За неимением паркета.

Трясла тенетами в углах,
Звала в зеленые запои,
В кармашке выцветших обоев
Сушила розы чуткий прах.

Из тени вытеснив просвет,
Дышала пылью книжной полки,
Приревновала к сальной челке
Скатавшийся в испуге плед.

Велела склеивать опять
Останки желтых фотографий,
Потом – их снова расчленять,
До смерти зля холодный кафель.

Грибной подмешивала яд
К псевдоспасительному мокко,
И в нем топила – ненароком
Зачатых – нежности котят.

До тошноты знакомый ритм
Стучала трубочкой газеты,
Ютилась маленькой Козеттой
В неприкасаемом внутри.

Напрасно тщи́лась слез-живиц
Подмогу благостную вызвать —
Повысы́пáлась из глазниц
Белков крошащаяся известь.

Хвалила антидепрессант,
Лизала слизнями весь вечер
Губ деревянных робкий бант.
Ароматические свечи...

Постриг

Платье мятое
Вянет мятою.
Нарасхват она,
Да сосватана.

Губы вишнями
Лишь Всевышнему.
Куколь вышитый.
Так уж вышло... Ты

Сердце ей не рви,
Душу не криви —
Ледяной крови
Ей не отрави.

Губы вишнями
В кровь искусаны.
«Так уж вышло мне —
Иисусова».

Спелым колосом
Стан. А в волосы
Пустит ножницы.
Так уж сложится:

Схиму ей носить.
Сладкий мед не пить
И гнезда не вить.
За тебя просить.

Не лежать во ржи
Да не ворожить
На Купалы день.
Купола в воде

Отражаются.
«Отрешаюсь я...»
Слезы бусами.
Иисусова.

Юность без четверти девять

Минус двадцать. Утро городское.
Вдруг в маршрутку впрыгнуло легко,
Поправляя локоны рукою,
Юное создание. Строкой

Я тебя потрогаю украдкой,
Приласкаю мех воротника.
Ты в моей поселишься тетрадке
На мои тетрадные века.

Назову-ка я тебя Глафира.
Сыто заурчу, переварив
В снежно-ледяной утробе мира
Алых губ обветренный нарыв.

Ты наверняка уже знакома
С любопытной жадностью зеркал.
Берегись шоферов – это клоны
Одного куряки-мужика.

Мне не верь. Я гадкая гусыня,
Лапами увязшая в стихах:
Я тебе придумываю имя
На гусиных липовых правах.

У таких по жизни (вот и верь ей!)
Всех ориентиров – плакал кот:
Глупый мускул в левом подреберье
И по-детски сладкая морковь...

Между тем проворная маршрутка
Сделала во времени дыру.
– Per favore, pane con prosciutto...³
Как по-итальянски «я не вру»?

Фу ты, до «кольца» подать рукою.
Небо сыплет белый порошок.
Дышит гарью утро городское,

³ Пожалуйста, хлеб с ветчиной (*итал.*).

Стылым и невкусным беляшом,

И еще шоферской сигаретой —
Он перед «конечной» закурил.
Вот маршрут закончился и этот
Где-то посреди дороги в Рим.

Пустыня

Перед вами знойная пустыня⁴.
Ни души. Колючки и самум.
По какой я здесь торчу причине,
Неизвестно черту самому.

По глаза зашторив арафатку,
Я несу свой... стек⁵ наперевес,
Ощущая острую нехватку
Нежно-пластилиновых чудес.

Вдалеке заманчивые мреют
Разноцветных радуг миражи.
Я давно в оазисы не верю,
Еще в детстве мой сломался джинн.

⁴ Фраза из сов. м/ф «Крылья, ноги и хвосты».

⁵ Ножичек для работы с пластилином.

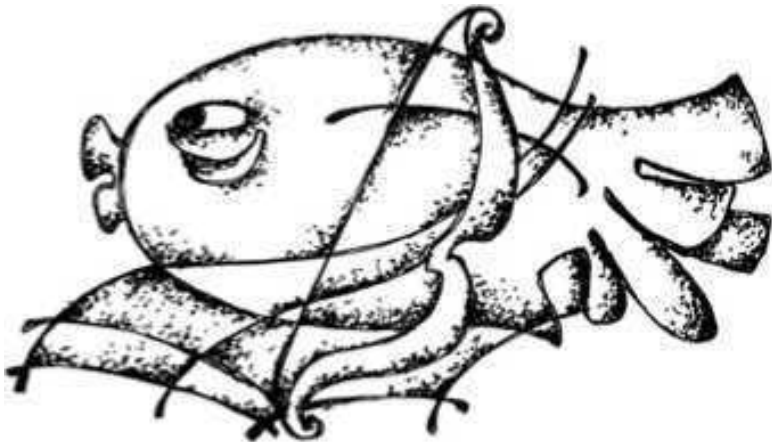
Не жалею, не зову, не плачу⁶,
Но понять хотелось бы одно:
Ящерка увертливой удачи
Под каким таится валуном?

Перед каждым камнем наклоняюсь...
Вот она! Хватай ее, держи!
Разжимаю руку – извиваясь,
В ней лишь хвостик маленький дрожит.

Поплюю в раскрытую ладошку,
(В следующий раз не отпущу!)
И, чтоб труд мой не пропал, дорожку
Я из этих камешков мощу.
И твержу, как мантру, ежечасно, —
Но не реже, чем пять раз в квартал:
«Стоп, мгновение! Ты так прекрасно!
СпасиБО, за все, что Ты мне дал».

Скоро сорок лет моим скитаньям —
Уж пора привыкнуть. Но опять
То примстится океан с китами,
То лукошко срезанных опят...

⁶ Строчка из стихотворения С. Есенина.

Пусть будет Юля

Бутылочка пива в моем ридикюле.
В груди карамелька безжалостной пули.

Тигриная грация. Томность косули
В глазах – сладкий блеск шоколадной глазури.

Я пью по утрам только Pina colada,
Приправленный мифами Древней Эллады.

Не надо в моей голове ковыряться —
Там не тараканы, а осы роятся.

Папуля, ужаленный с нежностью в ротик,
Подсядет на редкостный этот наркотик;

Окажется между Харибдой и Сциллой.
Вздыхает мамуля: «Ая говорила...»

Послушные детки в кроватках уснули.
«Зачем тебе имя? Ну... пусть будет... Юля».

Я пятидесятый оттенок июля.
Весь мир поместился в моем ридикюле.

Осталась на барном двенадцатом стуле
Остапа царापина «Пусть будет Юля».

Трабл-бабл

Через саму себя переступать
Туда-сюда натоптана тропинка.
Повышенной прогибчивости спинка.
И ноги так удобно вытирать
О тряпочную статью.
Ей все равно октябрь еще не спать,
Хватая жидкий воздух, будто рыба, —
Безжаберно, беззубо, безулыбо, —
Закрытым ртом, стараясь подышать.
Затейливая б. дь

Тебе попалась, милый? Ловко шито,
Внутри весьма несложный механизм
Смешно дрожит, когда потянешь вниз
Веревочку.

Входи, не разувайся – здесь не мыто.

Сезамчик, отворись.

Престранные созданья – трабл-бабл:

Какая-то сиреневая чушь

В башке. Опять размазанная тушь...

Да, стержня нет – характер больно слабый.

Что вы хотели? – плюш.

P.S. Чуть не забыла... Ключик запасной

Лежит под ковриком. Вдруг свой ты потеряешь,

Завалишь за подклад или оставишь

Случайно/специально у другой?

Всегда есть запасной...

Покров

*Покров-батюшка, покрой землю
снежком, а меня женишком.*

Приговор на Покров день на Руси

1

Колючей крупки закрома
Уж заготовила зима:
Хотя далеко до сугробов,
Сегодня бросила на пробу
Нам жменю белого зерна.

Грядут засидки дотемна;
Покрой асфальтного сукна,
Свою утратив угловатость,
Приобретет щеголеватость
Предсвадебного полотна.

2

Кашне оттенка «куркума»
Не виновато. Я сама.
Как патиссон, кудряв и крепок:
Вынай ребро и делай слепок —
Как не сойти чуть-чуть с ума?

Пусть у тебя была жена.
Быть может, даже не одна.

Две. Пары. Кожаных перчаток.
Судьбы подарочный початок
Тугого зрелого зерна.

3

Покров. Под кров карнизов жмутся —
Тотем влюбленных в мир безумцев —
Два «далматинца»-голубка,
Октябрь натягивая куцый
На распушенные бока.

Потом все будет: я покаюсь,
В платок – с кольцом отнятый палец.
Все это после. А пока —
Густая плоть «лесных красавиц»⁷,
Апорта⁸ дутая щека.

Икра

Парок дыханья. Горечь сигареты.
Убожество подъездного тепла.

⁷ Сорт груш.

⁸ Сорт алма-атинских яблок.

Коротким ливнем выплакано лето,
Зима еще как будто не пришла.

Агатова пемза тротуара
Подошвы прожигает. Сгоряча,
Наверное, я каркала: «Не пара...»
В безрыбье разгулялась рать рачья,

Прельстившись преснотой. Чем меньше лужа,
Тем ближе дно и толще ила слой.
Не дергайся – засасывает глубже...
В сети любви запутанной и злой

Зерно и раки паюсное мечут.
За ним ныряю в счастье глубоко —
Целую эти крохотные плечи,
Вдыхаю с них парное молоко.

Инкубатор

Совсем чуть-чуть цыплячьего тепла
Отсветом равнодушного накала —
Для желторотой стаи роль крыла
Живой любви и лампочка сыграла.
Так в темноте, безликой и скупой,
Хочу тепла от губ твоих добиться,
И зябко под яичной скорлупой

Томится не рожденная жар-птица.

Я не могу

*Я не люблю фатального исхода,
От жизни никогда не устаю.
Я не люблю любое время года,
Когда веселых песен не пою...*

В. Высоцкий

Я не могу свои не тратить нервы,
Боюсь, я их совсем не берегу.
Я не могу в лицо ударить первой,
Навряд ли я вообще это могу.

Я не могу с закрытым ртом смеяться,
Я не умею скидку попросить.
Я не могу серьезно обижаться
И камешки за пазухой носить.

Я не могу надолго расставаться
С любимым человеком, уж прости;
Я не могу на части разорваться.
Я не могу не есть после шести.

Я не могу, взбивая мозг до мусса,

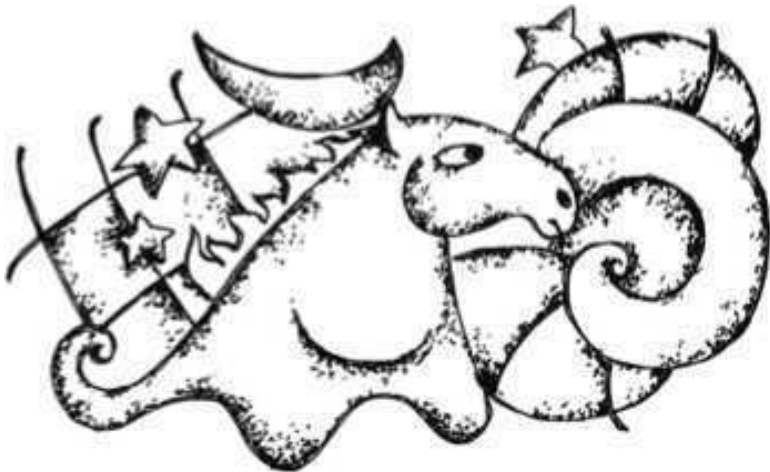
Глотать по телевизору халву.
Я не могу на землю бросить мусор
Там, где живу, и там, где не живу.

Восторга у меня не вызывают
Брильянты, шубы, золото, тряпье,
Не потому, что денег не хватает,
А потому что это – не мое.

Я не могу не мыть подругам кости,
При этом им ничем не навредить.
Я не могу напрашиваться в гости
И в них без приглашения ходить.

И как бы чайки страшно ни кричали,
Пророча непредвиденный исход,
Я не могу остаться на причале,
Когда уходит в море теплоход.

Что умерло, я воскрешать не смею,
Я не хочу былое ворошить.
Я не могу – я права не имею —
Без счастья и любви на свете жить.

Соловей-разбойник

1

Холодает. Небо тускло.
Птицы черные кричат.
Сник последний теплый мускул
В лице грозного врача.

Объявил нам свой диагноз
Он с жестокой прямотой.
Лишь Соловушка-проказник

Не согласен на покой:

Весь расстегнут, весь расхлестан,
С непокрытой головой,
В океан пошел на веслах
В лодке хлипкой и гнилой.

Пусть беснуется ненастье,
Кровоточит левый бок.
С ним – подаренное счастье —
Рваный шелковый платок.

И Соловушка-разбойник
Дышит ровно и легко,
Убегает от погони
И свистит на молоко.

С ним – обещанное счастье,
Животворных сил глоток —
Замусолен на запястье
Белый некогда платок.

2

Холодает. Небо тускло.
Птицы черные кричат.

Ни один не дрогнул мускул
На лице у палача.

Снес, как голову, октябрь
Гильотиною своей.
Где же носит твой корабль,
Мой Разбойник-соловей?

Он орудует жестоко
Гильотиною своей —
Уж до этого отсек он
Тридцать восемь октябрей.

У воды немой спросила:
Где Разбойник-Соловей
Вспоминает ли о милой?
Из каких ест соль морей?

В море слезы обронила —
Слезы моря солоней:
Их живительную силу,
Как свободу – парус, пей.

Море, сжалившись, вздохнуло
Тяжко и вняло мольбам —
Накатило и швырнуло
Пену красную к ногам.

Движение

Плещась в голубоглазой акварели
Расхристанных по-мартовски небес,
Моих метаний присмиривший бес
Крещение принимает в их купели...

Фиксирую лишь признаки движенья:
Как прячется за тучей желтый лис,
Растерянно мятущейся мишенью
У ног маячит падающий лист;

Как в пасмурной промозглой полумгле
Вертя́тся кленов мертвые стрекозы
И прилипают, взятые морозом,
К обветренной, потресканной земле;

Как, словно озорной рукой мальчишки,
Ввысь выброшена горстка черных птиц;
Как на концах березовых ресниц
Дрожат, боясь сорваться, слез ледышки.

...Мутнеет, притупляется вниманье, —
И вот уже вдали почти поблек
Дымок печного теплого дыханья,
Толкающий меня искать ночлег...

Светлана Брновицкая
г. Москва

Родилась и выросла в Подмоскowie, в г. Ликино-Дулево.
Окончила Московский колледж управления и права.
Публиковалась в журналах.

© Брoнoвицая Светлана, 2017

Из интервью с автором:

В детстве я очень любила придумывать себе сказочные путешествия по воображаемым мирам. Нет, отшельником я не была, во дворе тоже было интересно – но придуманное казалось таким заманчивым, а главное – ты был хозяином положения и все герои действовали исключительно так, как хотелось тебе. Конечно, я уже давно не ребенок. Но страсть к выдуманным приключениям не пропала.

К сожалению, сочинительство не стало профессией. Но ведь это не значит, что созданные мною миры менее интересны?

Ателье печали и радости

Не люблю Новый год. Не люблю с тех самых пор, как поняла, что Деда Мороза нет – есть только костюм. Красный с белым. Вот костюм есть, и мешок с подарками есть. А Деда Мороза – нет. И еще, наверное, с тех самых пор, есть неис- требимая, непобедимая и нерушимая вера в этот самый костюм. Даже не так – КОСТЮМ. Что он прежде всего – внут-

ри может быть что угодно, а вот КОСТЮМ – он всегда правильный, верный и настоящий. При любых обстоятельствах.

Моя нелюбовь к Новому году – это мое личное, мое частное. Шефу до большой фиолетовой лампочки моя эта самая нелюбовь. На корпоративный банкет изволь явиться – а в этом году еще и в карнавальном костюме. Огромное цветное пятно объявления резко выделяется на фоне белоснежного мрамора холла. Мне белый мрамор гораздо роднее этого самого цветного пятна. Я вообще за монохром. Белое, черное. Иногда серое. Но... против начальства не пойдешь. Придется заказывать костюм зайчика, белочки или...ну не знаю... Шемаханской царицы, что ли. Кем там принято на костюмированные балы наряжаться?

– Юля, найди мне адреса ателье, которые шьют карнавальные костюмы. Поближе что-нибудь.

– Хорошо, Александра Сергеевна.

Звезд с неба моя секретарша не хватает, но исполнительна и вежлива – что есть, то есть.

Поздно вечером, по дороге домой, я завернула в один из переулков у Красных Ворот – двухстраничный список, выданный мне исполнительной Юлией перед отъездом, как раз с этого переулка и начинался. Неприметный серый домик в два этажа, такая же невзрачная вывеска. Странно, я ожидала парада красочных манекенов на витрине. До закрытия оставалось четверть часа – вежливый администратор проводила меня в бархатно-душную примерочную. Из-за пыльной пор-

тьеры цвета хорошего старого бордо вышла девушка. Хрупкая, бледная, в чем-то пепельно-сером и с непременным сантиметром на шее.

– Что бы вы хотели?

– КарнавальнЫЙ костюм к новогоднему корпоративному банкету.

– Чей?

– Не знаю. Что у вас там в этом сезоне модно? Белочки, Зайчики, Принцессы?

В этот момент девушка в первый раз подняла на меня глаза – и я практически сгорела под яростной синевою ее взгляда.

– Я как-то неправильно объясняю? Мне нужен карнавальнЫЙ костюм – для 1,5-часового дефиле перед пьяными сослуживцами. Обычно на службе я в деловом костюме. Сером или черном. Можно сделать что-нибудь без вырезов, разрезов и декольте? КарнавальнЫЕ костюмы приличными бывают?

Синеглазая белоснежка сменила гнев на милость и улыбнулась.

– А у вас есть любимый сказочный персонаж?

– Конечно, есть. Баба-яга. Никаких намеков, никакой вуали обмана – все ясно и четко – напоил-накормил, в баньке попарил и съел, вы можете сшить мне костюм Бабы-яги?

– Вы сейчас серьезно? Или шутите с таким лицом?

– Милая барышня, как вас зовут, кстати?

– Александра.

– О, отлично, мы еще и тезки. Когда я шучу, то хотя бы улыбаюсь – а сейчас я серьезна как никогда. Мой упрямый начальник хочет видеть меня на новогоднем банкете, да еще и в карнавальном костюме. Замечательно. Почему бы нет? Формальности соблюдены, а уж кем я нарядилась – это мое личное дело. В пригласительном билете тема вечеринки не обговорена.

– То есть мы шьем костюм Бабы-яги? И красивая женщина хочет в этом костюме прийти на новогодний вечер и не шокировать окружающих.

– Правильная постановка вопроса. Хотя, если честно, мне абсолютно все равно – шокирую я их или нет.

– Но работы вы после этого вечера лишиться не хотите?

– Нет. Работы лишиться не хочу. Но мне обычно и не такие демарши прощают – у моего непосредственного большого начальника все-таки присутствует здравый смысл – он ценит полезность сотрудника на рабочем месте, а не степень его шутовства на праздничном вечере.

– Как скажете. Баба-яга, так Баба-яга.

Она деловито обмерила меня, записала что-то в своем блокнотике.

– Пожелания будут – цвет, длина юбки, степень изношенности?

– Полагаюсь на ваш профессионализм.

– Хорошо, тогда жду вас послезавтра на первую примерку.

– А можно это будет так же поздно, как сегодня?

– Можно. Если будете опаздывать – позвоните, я вас дождусь. Вот костюма Бабы-яги для новогоднего вечера я точно еще не шила. Мне даже интересно, как это будет.

– А уж как мне интересно.

– Извините за нескромный вопрос. А вам ваш большой начальник нравится?

– Как начальник или как мужчина? К чему вдруг такой вопрос.

– Я должна понять чего вы хотите добиться этим костюмом. Оттолкнуть или привлечь.

– Помилуйте, кого можно привлечь костюмом Бабы-яги?

– Значит, оттолкнуть?

– Да нет же, он должен быть, скорее, нейтральным. Не привлекать и не отталкивать. Просто работать галочкой – в смысле – вы хотели – я пришла, вы хотели костюм – я в костюме. Полтора – ну максимум два часа – и домой. Все. Никаких эмоций.

Девушка смотрела на меня заинтересованно – видимо, такой подход к наряду ее смущал, она хотела деталей.

– А вы всегда так относитесь к одежде? В смысле, она для вас работает скорее щитом, чем помощником?

– Наверное, да. Я не привыкла привлекать одеждой – так проблем меньше. На работе я обычно работаю.

– А после работы. Ну, вы же куда-то ходите – вечеринки, театр, кино, гости...

– Хожу, конечно, но это обычно компания людей, которые знают меня десятилетиями – и привыкли воспринимать такой, какая я есть – без налета мишуры и блесков. Даже вечерние платья у меня обычно строги, как надзиратель, – серые или черные футляры с ниткой жемчуга. Так что одежда для меня чем незаметнее, тем лучше.

– Вы меня извините, пожалуйста, но можно я сделаю этот костюм таким, каким я его вижу на вас? Не серым мешком, как вы привыкли, а именно костюмом.

Я улыбнулась. Барышня, желающая сделать из костюма Бабы-яги шедевр – это что-то новенькое.

– Милая девушка, шейте его так, как вам удобнее. Даю вам карт-бланш.

На этом мы и расстались.

Два дня пролетели за чередой обычных дел. Вечером обязательная Юлия напомнила мне о примерке, и я отправилась в ателье, не ожидая особых эмоций от этого визита. Рутинна, как и все остальное в течение рабочего дня. Синеглазая Александра принесла в примерочную два пакета. Я подумала, что это верх и низ моего карнавального костюма, но то, что она извлекла из чехла, было костюмом целиком. Немного странным, на мой взгляд, но довольно симпатичным. С подачи буйного воображения моей портнихи Ба-ба-яга превратилась в довольно милую дамочку почти легкого поведения, но слегка отдающую чертовщиной. Так, налетом – где-то голова летучей мыши в складках юбки проглядывает, где-

то хвост черного кота вместо боа можно разглядеть. Все в целом было довольно мило. И, как это ни странно, мне даже нравилось.

– Сашенька, а что во втором пакете?

– Вы знаете, я на свой страх и риск решила сшить для вас новый костюм. Офисный или деловой – называйте, как больше нравится. Если не понравится, можете не забирать, но... как бы это сказать... я хочу показать вам, что одежда может быть другом, а не щитом. Понимаете? Что она может и привлекать окружающих к вам, и отталкивать. Причем не важно – мужчина это или женщина. вы будете чувствовать себя по-другому в такой одежде – вы сольетесь с ней.

– Очень интересно. Такого опыта у меня, пожалуй, еще не было. И что будет делать именно этот конкретный костюм, привлекать или отталкивать?

– Именно этот – привлекать. Если появится желание, то следующий могу сделать с противоположным эффектом.

Я по натуре скептик. Скажу больше – закоренелый скептик, доверяющий только на себе проверенным фактам. Костюм, чтобы понравиться, и костюм, чтобы оттолкнуть – сама по себе идея показалась мне бредом поначалу. Но... его же уже сшили, т. е. вот он лежит передо мной, и мой долг скептика – подтвердить или опровергнуть его свойства. Почему бы и нет?

– Занятный опыт. Я, пожалуй, его возьму. А мой карнавальный костюм, он на что, простите, заряжен?

Девушка рассмеялась.

– Может это и к лучшему – то, что вы отнеслись к этому с легкой иронией, как к шаманству, ваш карнавальный костюм я шила для того, чтобы привлекать к вам как можно меньше внимания – вас увидят, вас запомнят, но это будут статистические эмоции, если можно так сказать, – как вы и хотели, – да, была, да, в костюме, и не более.

Утром следующего дня у меня была назначена встреча с одним из самых въедливых и неприятных клиентов. Все заказы, поступающие от него, были очень сложны в исполнении и до минимума урезаны по бюджету. Так что каждый нюанс обговаривался с массой подробностей и прописывался дополнительными соглашениями. Обычно встречи с этим клиентом мой большой начальник оставлял для себя, чтобы не расхлебывать потом недоговоренное и недописанное, но перед Новым годом времени было мало, а работы много, и на амбразуру бросили меня. Два чехла, которые я привезла вчера из ателье, ярким пятном выделялись на фоне моей монокромной гардеробной. Значит, говорите, привлекать? Ну а почему бы и нет. В конце концов, сразу будет понятно, что к чему. И потом, это, пожалуй, будет первый раз, когда я воспользуюсь преимуществом пола. Для меня работа подразумевает сотрудников, а не мужчин и женщин. Костюм оказался очень удобным – юбка легла как надо, нигде не топорщилась и почти не мялась, пиджак облегал, как вторая кожа, но не стеснял движений. К началу встречи я и забыла о том, что

на мне какой-то особенный костюм. Переговоры прошли, на мой взгляд, как обычно. Правда, вопреки обыкновению клиент не спорил, а мило, улыбаясь, соглашался почти со всем, что я предлагала. Я списала это на свой профессионализм – смогла хорошо подготовиться и приспособиться к его требованиям. Молодец. Но после обеда в мой кабинет влетел первый зам генерального. С ошарашенным видом он бросил на мой стол подписанный утром договор.

– Ты его заколдовала, что ли?

– Почему ты так решил?

– Он собирался урезать бюджет вдвое. В противном случае грозился вообще уйти к конкурентам. А подписал сумму, втрое превышающую предварительную, и почти без проблемных допсо-глашений. Поэтому и спрашиваю – КАК?

– Не знаю. Как обычно. Я предлагала, сумму и требования обосновывала, он соглашался, иногда спорил. Но в этот раз как-то вяло. Действительно странно, что согласился, если столько тратить не собирался.

– Можешь требовать увеличенный бонус с этого контракта, думаю, что именно в этот раз ты его заслужила как никто.

Я улыбнулась. Вот тебе и неприметный костюм. Выходит – работает? Надо будет заказать у этой милой барышни еще что-нибудь эдакое. И пользоваться этим, пока работает.

Вечером мы собирались университетской компанией. Заезжать домой переодеваться времени, естественно, не было. Так что особенный костюм милой Александры поехал со

мною на встречу старых друзей. Ну, точнее, на мне. Открыв дверь заведения, обозначенного накануне подругой как место встречи, я сначала подумала, что ошиблась или адресом, или подъездом. А потом, медленно, но верно, до меня дошла ужасная истина – сегодняшние посиделки какой-то умник додумался организовать в караоке клубе. Признаюсь честно – я подобные заведения обхожу стороной за километр. Но, видимо, выбора не было...

– Сашка, иди к нам!!! Мы тут целый диск рок-баллад нашли! Сейчас будем зажигать!

Кошмарный сон наяву. Мало того что голоса и слуха у меня нет, так еще и музыка прошла в те года мимо меня – училась я, не до глупостей мне было. Только от главного заводилы курса не отвертишься.

Через час я поняла, что это даже весело. И песни я, как ни странно, помню. И в ноты, что тоже удивительно, попадаю. Залпом проглотив четвертый или пятый кир-рояль, я сбежала на террасу – глотнуть свежего воздуха. В дальнем уголке, на занесенном снегом стуле, прикорнула нелепая фигура, завернутая в плед. Откуда-то из середины шел легкий сигаретный дым, стул поскрипывал и покачивался – как сидящий с него не падал, не знаю.

– Спорим, что двадцать лет назад вы этих песен явно не пели.

– Не пела. А вы откуда знаете?

– А вы выговариваете слова правильно. А мы их тогда на

слух пели, а не по текстам.

– Ценное наблюдение, но вы, по-моему, не из нашей компании.

– Нет. Но частью вашего окружения стать был бы не против.

Пробормотав что-то невнятное, я быстро сбежала с террасы. Как-то чересчур для одного дня.

– Сашка, ты куда?

Первый красавец курса и всеобщий любимец Александр Анатольевич собственной персоной.

– Домой, Саш. Голова разболелась, мне хватит на сегодня.

– Я тебя провожу, ты же, если мне память не изменяет, в двух кварталах отсюда живешь.

– Это я пару десятков лет назад в двух кварталах отсюда жила, а сейчас мне на Ленинский. Я уже вызвала такси, не переживай.

– А на завтра у тебя какие планы?

– Ты, Сашка, текилы перебрал. Какие планы? У тебя завтра поход за продуктами с семейством и хоккеем по телеку к вечеру. Совсем с ума сошел?

– Саш, ну подожди, я провожу.

Такси было как нельзя кстати. Юркнув на заднее сиденье, я пыталась собрать в кучу мысли. Это наваждение какое-то. Так просто не бывает. Три метра ткани да пару десятков метров ниток могут заставить человека, который всегда относился к тебе как к своему в доску парню, вдруг вспылать

неземной страстью? Да ладно, не верю. А что не верю – вот же оно живое, работает. И как объяснить чудика на террасе? Хотя почему чудика, голос у него был – хоть сейчас в ночной радиэффир отправляй. Черт, вот ведь как бывает.

На следующий день меня разбудил звонок университетской подруги.

– Ты, Александра, если кавалеров сражаешь наповал, так хоть телефон им сама оставляй, какой то удивительный дядька с невозможно красивым голосом нас атаковал весь остаток вечера. По-моему, кто-то из наших все-таки дал ему твой номер.

– Как дал ему мой номер? Зачем?

– Ну так, мужская солидарность.

Костюм я убрала в дальний угол гардеробной. Не то чтобы я против мужского внимания к своей персоне. Просто вчерашний день показался мне как-то чересчур. Особенно когда на рабочем столе обнаружили розы. На мой вопрос, откуда – Юля ответила – первый зам генерального принес. Вторым ударом был вчерашний клиент в моей приемной – с формулировкой «доработать соглашения». Костюма на мне не было. Но он почему-то остался удивительно сговорчивым. Улыбаясь и желая хорошего дня, он унес документы из моего кабинета «подумать». Через полчаса секретарь генерального вежливо попросила меня зайти к нему в кабинет.

– Даже не знаю с чего начать. Вчера вы подписываете договор на условиях, которых никто от этого клиента не ожи-

дал. Сегодня этот клиент приходит ко мне и настоятельно просит сменить ему ведущего менеджера. Что происходит?

– Не знаю. Мне он ничего не говорил. Просто забрал документы и ушел, «подумать». Хочет сменить менеджера – пожалуйста. Я не против. Он не самое лучшее приобретение нашей компании.

– Но с его уходом вы потеряете солидный бонус.

– Я согласна.

– Хорошо, вопрос закрыт.

Вот тебе и костюм.

– Александра Сергеевна, вам уже третий раз звонит какой-то странный мужчина, просит соединить, говорит, по личному вопросу.

– Давай этого личного.

Отказаться от встречи сегодняшним вечером я почему-то не смогла. В давно знакомое кафе на Остоженке ехала как десятиклассница на выпускной – руки дрожат, ладони мокрые. А он... он меня не узнал!!! Я шла практически вслепую – кроме запаха сигарет и бликов фонаря в каштановых волосах я после вчерашнего дня не помнила ничего, но узнала его сразу. А он посмотрел сквозь меня, выдохнул сигаретный дым мне в лицо и спросил – у вас ко мне какое-то дело? И тут меня понесло...

– Это вы мне такой вопрос задаете? Вчера вы осаждали моих друзей, выпрашивая мой телефон, сегодня доводили мою секретаршу, пытаясь дозвониться, а теперь спрашиваете-

те – есть ли у меня к вам какое то дело? Да, безусловно, есть. Сказать вам, что вы...вы наглый хам. На большее у меня не хватает воспитания.

– Простите, так это я вам звонил?

– Нет, английской королеве!!!

Утро следующего дня я провела в магазине – покупала новый карнавальный костюм.

А потом отвезла два чехла обратно в ателье у Красных Ворот.

Александра удивленно посмотрела на меня и спросила, что случилось. После моего рассказа она долго смеялась. Я хохотала вместе с ней. Ну а что мне еще оставалось?

Корпоративный карнавал прошел почти незамеченным – те же лица, только в масках. Разговоры только о работе и новых контрактах. Как будто не банкет, а итоговое годовое совещание.

Первое, что я увидела на своем рабочем столе двенадцатого января, был контракт с самым противным клиентом компании. С утроенным бюджетом и запиской от генерального с пожеланиями хорошего года.

А вечером у подъезда я увидела знакомый профиль, окруженный сигаретным дымом.

– Вы позволите мне попросить прощения. Если честно, я не знаю, что за затмение со мной приключилось. Новогоднюю ночь я провел, ломая голову над тем, как загладить свою вину. У меня еще есть хоть один шанс на вашу снисходи-

тельность?

Делая погромче какую-то милую балладу с гитарными переливами и допивая очередной кир-рояль, я подумала – а не заехать ли к Александре за новым костюмом. Потому что даже на мой скептицизм нашлась управа. Вон она – размешивает очередной коктейль. А предновогодняя суматоха, она на всех действует. Даже на свойства волшебных костюмов. Нет, не так, КОСТЮМОВ.

Сказка про сбежавшую собаку

Часть 1

На стене в комнате висит картина. То бишь не так, – в каждой новой съемной мною квартире она висит обязательно. Много лет назад... очень много лет назад мы купили ее у художника на набережной возле ЦДХ. Петр Ужасный еще не пугал окрестности своим грозным видом, и мы любили гулять там, когда погода была хорошая. По выходным набережная превращалась в «лавочку на асфальте». Особым талантом большинство продавцов не обладало, и выставка продающихся картин напоминала скорее магазин обоев. Но иногда попадались очень милые вещицы. Плачущий и брошенный под дождем пес был как раз тем редким исключением. Серая масса дождя в неброской бордовой раме. А в

центре – тоже серый, мокрый и абсолютно несчастный далматинец. Кто-то из знакомых на очередной юношеской попойке назвал ее «несчастьем в кубе», так жалок был кем-то брошенный и, наверное, когда-то любимый и домашний питомец. Художник просил за нее астрономическую для нас по тем временам сумму. Но собака все-таки была куплена и поселилась на стене в квартире, которая тогда была моим пристанищем. Просвирин переулок сменила улица Амундсена, кажется. А потом... Митинская улица, Ленинский проспект... сколько их было – адресов. И... на стене в комнате висела картина. Всегда.

Новый день, новая неделя, новый месяц. Вот новый год не скажу – он начинается не обыденно и не с работы. А так – просто осень. Просто новый день. Голова неподъемная, и это не от вчерашней радости. Погода и возраст. Листья еще не опали. Дожди уже начались. Парк стал любимым – желто-красным. Настроение – депрессивно-истеричным. Состояние – чихательно-температурное. Несколько лет назад к обычной работе в обычной редакции среднестатистического журнала я добавила нетипичное и нелогичное для меня преподавание в одном из свежееоткрытых коммерческих вузов. Журналистику точной наукой я не считала. О призвании и таланте мои студенты просто не слышали. Они и слово таких не знали. Поэтому преподавала я легко, – осознавая, что в приличное издание с таким дипломом не возьмут, а человек с нормально работающей головой в этот институт

не пойдет, я освобождала свою совесть от ночных мучений. Коллеги посмеивались, я отмахивалась, а энная сумма в год позволяла добавить к отпуску столько приятных и теплых дней! Я плохо переношу холод и тем более дождь. Еще хуже – мороз и снег. Если честно, изнуряющая жара Азии или Африки мне тоже не по душе. Много лет назад я облюбовала милейшую виллу на Корфу и при каждом удобном случае просто сбегала туда от московского ненастья. Хозяйка дома, признав во мне родную душу, просто забронировала пару комнат «навсегда» именно для меня. В любое время голубое небо, белоснежный песок пляжа и ажурная кипельность простыней были готовы к моему набегу. Мой персональный, с трудом отвоєванный и оплаченный райский садик. Так вот, сегодня утром я поняла, что пора бежать. Через пару дней температура опуститься до критической отметки минус семь и тогда я слягу. По расписанию. С первой за эту осень простудой. Значит, пора – в самолет и с вечера четверга до утра вторника меня нет. Главное – договориться с редактором.

– А кто сделает...

– Уже... вчера... у вас на столе...

Диалог с начальством был коротким. Билеты заказаны, Аннет обрадована по телефону, и любимая соломенная шляпа летит в чемодан. А я лечу отсюда. Туда, где нет дождя.

Стюард – само обаяние, чего не скажешь о соседе справа. Он не то чтобы не хорош, скорее наоборот. Но я почему-то очень не люблю людей, которые с первого взгляда вы-

зывают симпатию практически у каждой человеческой особи, независимо от пола. Мой сосед был именно таким. Высокий блондин лет сорока – из тех, что в Германии тридцатых называли «истинный ариец». Диссонанс в его образ вносил разве что взгляд – резкий, холодный, напоминающий рентген. Но глаза от газетного листа он поднимал редко, и очарованные мотыльки женского пола не видели этого самого взгляда – им доставались лишь лучезарные улыбки. Меня же он как-то сразу отделил от этого порхающего вокруг него роя. Видимо, в его миропонимание как особь женского рода я не вписывалась. Короткая стрижка, классические джинсы и белая рубашка – образ скорее антисекси. Я не обладала аквамариновыми глазами в обрамлении пушистых ресниц, буйной гривой смоляных или белокурых локонов; о наличии или отсутствии неких форм на моем теле можно было только догадываться, потому что джинсы я предпочитаю обычные, – те, что на талии и не где-то намного ниже, а пуговицы на моей рубашке обычно застегнуты практически наглухо. Нет, я не монахиня в постриге и не феминистка в третьем поколении. Просто в обычной жизни именно в таком виде мне удобнее. Если будет необходимо – то все женские атрибуты обязательно появятся, и глаза будут сиять, и волосы блестеть, и формы присутствовать. Главному редактору все равно, как я выгляжу – интервью я не беру, скорее наоборот – правлю опусы смоляных и белокурых локонов. Я умею и люблю писать. Это мое главное достоинство, и руко-

водство его ценит. Так что мой внешний вид – скорее процесс долгой культивации именно образа «оно». В трамвае мужчиной меня не называют, но и как объект приставаний обычно не расценивают. Но соседний ариец, видимо, на нейтральные реакции был не способен, поэтому окружающих барби он очаровывал, мне же отвечал сквозь зубы. По иронии судьбы я сидела у иллюминатора и постоянно его тербила. Пробормотав очередное «извините», я набросила плед на колени и закрыла глаза. Ближайшие три часа я планировала провести в полудреме, практически не беспокоя нервного соседа. Мне снились рыбки. Красивые, маленькие, яркие. Их танец завораживал и успокаивал. Уходил прочь московский дождь, и ласково грело милое островное солнышко. Мой сосед напомнил о себе по прилету. Выяснилось, что машину за ним прислать забыли, а виллу он снял рядом с «Бабочкой» Аннет. Так что, злорадно улыбаясь, я предложила ему соседство еще и в машине. Он, как ни странно, совершенно искренне поблагодарил и согласился. Еще сорок минут бок о бок прошли практически незаметно. Я дремала, он что-то читал. И даже улыбнулся, увидев, с какой неподдельной радостью и нежностью встретила меня Аннет. Следующие несколько дней были тихи и прекрасны. Из райской дремы меня вывел звонок соседки – постоянной спасительницы моей домашней оранжереи.

– Литта, детка, кому ты на сей раз оставила ключи от своей квартиры?

– Нике, секретарю из редакции, она обещала зайти хотя бы раз и полить цветы. А что случилось?

– Да как тебе сказать. Пропала твоя любимая собака, картина с собакой. Черт, даже не знаю, как сказать. Рама есть, картина есть, а собаки нет.

– Как это рама есть, а собаки нет?

– Нет. Только поводок.

– Рама, картина и поводок. А собаки нет?

– Да.

– Но это бред какой-то. Ольга Викторовна, я вернусь завтра, тогда и разберусь. Напоминает чью-то плохую шутку.

– Как скажешь. Мне показалось, что лучше сказать тебе об этом.

К утреннему кофе в обществе Аннет я спустились в легком шоке. Новость была как минимум странной.

– Представляешь, Аннет, у меня дома пошалил странный домушник.

– Юллита, а домушник это кто?

– Вор, специализирующийся на квартирных кражах.

– И что украли?

– Да в том-то и дело, что, судя по всему, только кусок картины.

– Как это кусок?

– Вот и мне интересно.

Аннет так и не поняла смысл произошедшего, просто списав странность на языковое непонимание. А вот на что мне

оставалось списать эту глупость – непонятно. Последний день отдыха оказался скомканным и бестолковым. С пляжа меня выгнал дождь, который закончился, как только я вошла под крышу террасы. Поход по магазинам отменился – национальный праздник велит всем отдыхать, а не закупаться сувенирами и прочей ерундой. Аннет отправилась в гости к племяннице, так что обед и последний ужин я провела в одиночестве. С радушной хозяйкой я попрощалась после утреннего кофе, мило улыбнувшись еще раз одной из ее странных привычек – она никогда не провожает меня. После завтрака обязательно находится срочный визит к подругам или родственникам, так что ее голос я услышу только в Москве. Молчаливый водитель забрал мою сумку и распахнул дверцу машины. А в самолете меня ждал еще один сюрприз. Мой давешний сосед оказался им снова. Я вновь сидела у иллюминатора. А он рядом. Стюардесса смотрела на нас и пыталась улыбнуться – хотя бы из вежливости. А мы хохотали истерически. Оба.

– Давайте все-таки познакомимся. Евгений.

– Юлия. Хотя чаще меня называют Литтой или Юллитой.

– Кажется, у Гиппиус в каком-то романе была героиня с таким именем.

– Гиппиус теперь не читают. А имя прижилось с легкой руки бабушки.

– Моя бабушка называла меня Жаком и учила французскому уже года в три. В пять меня заставляли пользоваться

ножом и салфеткой, а в десять услали учиться в Лондон.

– Так вы из золотой молодежи?

– Да как вам сказать, Литта. Со стороны кажется, что да. А для меня это все до сих пор только клетка. Оснащенная всем необходимым по самому высшему разряду, но клетка. Я сбегая к школьному приятелю в Штаты раза два в год. Вот там я никому и ничего не должен. Там я – такой, какой хочу и могу. Без французского и Кембриджа.

– Неужели недостаток может напрягать так сильно?

– Не недостаток, а условности. В моей семье и вокруг нее они превыше всего. Но я, наверное, не бунтарь по натуре. Поэтому мои протесты кратковременны и быстро сгорают в каждодневной рутине. Как ни странно, я люблю свою работу. И рвать со всем и сразу желания у меня пока не возникало.

– А чем вы занимаетесь?

– Рекламой. В широком смысле этого слова. А вы?

– Я журналист.

– Так мы с вами коллеги в некотором роде. Я продаю иллюзии, а вы их рисуете. Словами на бумаге.

– Надеюсь, что моя работа – скорее документальна, чем иллюзорна.

– Не думаю, что ваш главред допустит попадания в глянец не-отредактированной реальности.

– А вы уверены, что я пишу для глянца?

– А я ошибся, и вы автор толстого литературного альманаха?

– Как вам ответить даже не знаю. Скорее всего, так – всего понемногу. И я успешно продаюсь как в иллюстрированной периодике, так и в литературных альманахах. Наверное, в чем-то мне повезло. Я сумела найти золотую середину.

– Да вы счастливый человек, мне казалось, что в журналистике золотой середины не бывает – либо для души, либо за деньги.

– А вот в вашей епархии все только за деньги?

– Почему же. Когда понимаешь, что сумел раскрутить и успешно продать абсолютную гадость, – это все-таки для души.

Так что полет обратно был так же приятен, насколько безобразен был полет туда. Такси искать не пришлось – моего чересчур обаятельного попутчика встречала машина. И он, конечно, предложил доставить меня до дома. И даже принес мой чемодан на четвертый этаж без лифта.

Я, в ответ, предложила ему чашку кофе. А он и не думал отказываться.

– Какая странная картина, это чей-то подарок?

Он спрашивал из гостиной, и, наверное, хорошо, что он об этом спросил, потому что иначе кофе оказался бы на ковре. Соседка была права. Собаки на картине не было. Она исчезла. Остался поводок и ошейник. Самое интересное, что ошейник-то у нее раньше был. А вот насчет поводка – не знаю, не уверена.

– Литта, с вами все в порядке?

– Со мной да. А вот с картиной нет. Собаки на ней нет. А еще в четверг, когда я улетала – была. Разве так бывает? У кого-нибудь еще убегала собака с картины? Оставив поводок и ошейник.

– Вы хотите сказать, что когда вы уезжали из дома, на картине была нарисована собака, а теперь ее нет?

– Именно это я и пытаюсь сказать. Конечно, была, как и лет пятнадцать до этого. Если честно, это смахивает на чью-то дурную шутку. Но у меня нет знакомых с таким извращенным чувством юмора.

– А это точно та же картина или просто похожее полотно?

– Хороший вопрос. Чтобы на него ответить, ее придется снять.

– Зачем?

– На оборотной стороне холста были надписи. И рама в нескольких местах покорожена. Я перевозила ее раз десять, наверное.

И Жак, забравшись на хрупкий венский стул, осторожно снял многострадальное полотно со стены.

– Не молчите, Литта, у вас такой вид, что мне хочется бежать за нашатырем.

– А может, лучше нашатырь? Или все-таки нашатырь? Как правильно? Это та же картина, Жак. Именно то полотно, которое мы с Майком покупали на набережной, даже не помню, сколько лет назад. Как могла пропасть собака с нарисованной картины? вы вообще о таком когда-нибудь слышали?

– А имя художника вы помните?

– Его и помнить не нужно – вон оно, на обороте.

– Надо связаться с этим... Алексеевым, правильно?

– Ему уже тогда было хорошо за пятьдесят. Он, может, умер уже давно.

– А может, и не умер. Сейчас попробуем найти этого вашего чудесника.

Жак куда-то звонил, кому-то что-то объяснял. Поил меня кофе и даже отвечал на звонки по домашнему телефону. А я как будто провалилась в прошлое. Перед глазами проплывали милые сердцу картинки – старые залы ЦДХ, бордовые диванчики в нишах и кофе на песке в баре, по-моему, лучший в Москве тогда. Юные и беззаботные, мы обожали залы ЦДХ на Крымском. Особо сознательные барышни даже привозили с собой туфли в непогоду. Где еще выгуливать новые замшевые лодочки цвета кофе с молоком, как не там? А очаровательные молодые люди в умопомрачительных пиджаках? Интересно знать, вышло ли хоть что-то из этой просто невозможно-прекрасной поросли?

– Литта, я говорил с художником, он обещал подъехать через час.

– Сюда?

– Вернитесь с небес на землю. Конечно сюда. Он даже не удивился, просто сказал, что приедет через час. Мне кажется, эта новость не была для него шокирующей.

– Жак, вы же, наверное, торопитесь. С чемоданом, с са-

молета... Вас ждут дома?

– Дома меня ждет собака, сытая и довольная, спасибо Виду. Так что не волнуйтесь, если я и моя помощь вам не в тягость, я бы остался.

– Вик это ваш друг?

– Вик это мой... наверное, проще будет сказать личный помощник, если только это не наведет вас на мысль о моей нетрадиционной ориентации. Он следит за порядком в доме, за собакой, когда меня нет, и иногда помогает мне по работе. Редко. Вик, он очень странный для посторонних. Родители погибли, когда ему было десять. В интернате поставили какой-то дикий диагноз – что-то типа аутизма, кажется. То, что ребенок просто в ступоре после потери родных, никого не волновало. С тех пор, по документам, он инвалид. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Я познакомился с ним лет двадцать назад – мы готовили какую-то благотворительную показуху, главную роль в ней играл как раз интернат Вика. Не знаю чем, но этот парень тогда запал мне в душу. Я оформил опеку над ним и забрал из интерната. С тех пор он со мной. Я оберегаю его от внешнего мира, а он бережет покой моего дома. Может быть, медики не сильно ошиблись когда-то, может быть, сказывается советское лечение – для посторонних он выглядит и ведет себя не совсем нормально, но я привык. Мы устраиваем друг друга.

– Вы сегодня сплошное откровение, Жак. После нашей первой встречи я решила, что более отталкивающего чело-

века давно не встречала. А теперь все как-то наоборот.

– И чем я вас так возмутил?

– Обилием кукольных барышень вокруг, наверное; не люблю я их, кажется, приторной легкости завидую, у меня никогда не получалось порхать по жизни мотыльком. Скорее муравьем – всего только через седьмой пот добиваешься.

– Понятно, неброского очарования интеллектуалки не заметил, а на розово-сахарный блонд повелся. Действительно, неприятный тип...

Жак хохотал. Я улыбалась. Кажется, все это походило на сцену из дамского романа. Второй категории качества. Или даже третьей. Но в дверь позвонили.

– Предлагаю быстро перейти на ты. Объяснять художнику, что к чему, нет ни сил, ни желания.

На ты так на ты, – как скажете. Я сегодня уже готова ко всему. Даже к тому, что он пошел открывать входную дверь в моей квартире.

Если честно, вспомнить, как выглядел художник, я, как не пыталась, за все утро так и не смогла. А вот сейчас увидела его в дверях и обомлела. Он был практически таким же, как тогда. Кажется, даже плащ тот же, хотя это нереально – он должен был развалиться уже лет десять как. А он, ни слова не говоря, прошел в комнату, посмотрел на стену, осторожно тронул рукой раму и...осел по противоположной стене на пол.

– Может, нашатырь? Или валидол?

– А коньяк есть?

Жак хмыкнул и отправился на кухню. Спасительную бутылку он достал еще несколькими часами раньше, так что требовался только бокал.

– Ну и что скажете?

– А что тут скажешь, вы третьи.

– То есть?

– За эту неделю вы третьи. Правда, у остальных с картин пропадали люди. А у вас – собака.

– А что, раньше, до этой недели подобное тоже происходило?

– Всего однажды. Много лет назад. У меня был ученик, очень странный мальчик. Его привели, как бы это сказать – для общего развития, что ли. Он не был полноценным. Какой-то странный диагноз. Кажется, аутизм или что-то около того. Он просто рисовал что-то свое на холсте, я не вмешивался – если мальчику это помогало найти общий язык с окружающим миром – кто я такой, чтобы мешать? Но однажды он нарисовал букет на одном из моих старых натюрмортов. Потрясающий букет, я бы так не смог – такого сочетания красок я и теперь свести вместе на одном полотне не могу. Так вот, через неделю букет с картины исчез. Сами понимаете, добиться какого-то ответа от него было немыслимо, тем более что выглядело все более чем нелепо – вот как у вас. Все на месте, а букета нету. Следов растворителя тоже. И полотно мое, нетронутое, как и не было никакого букета.

Я тогда никому ничего не сказал – решил, что объяснить все равно ничего толком не смогу. Да и не поверит никто.

– Но нашу собаку рисовали вы?

– Рисовал да, но сетку дождя он потом правил за мной. Уж не знаю, чем она ему не понравилась. Так что унылость эта депрессивная на вашем полотне – целиком его заслуга, не моя. У меня все было более буднично.

– А людей на тех двух картинах?

– Одному он дорисовывал зонт. Второму, точнее второй – шляпу. Я захватил каталог с одной из старых выставок, чтобы показать вам, как это выглядело раньше. То, на что это похоже теперь, есть у меня в телефоне, с разрешения нынешних хозяев я это сфотографировал.

– А как звали мальчика, вы помните?

– Конечно, помню, Виктор Орлов.

– Как его звали?

Абсолютная невозмутимость слетела с лица Жака, как и не было.

– Чего ты всполошился?

– Дело в том, что этот самый Виктор, кажется, и есть мой Вик.

Вот тут-то я поняла, что мир перевернулся. Совсем. И кажется, прежним не будет уже никогда.

– Жак, не части. Твой Вик и его Виктор – это один и тот же человек?

– Я думаю, что да. Совпадений слишком много. Правда,

я никогда не знал о его способностях к рисованию.

– Тогда бери художника, бери картину и едем к тебе. Ты будешь спрашивать, мы слушать. Вместе все и узнаем.

Первое, что мы увидели в холле квартиры Жака, был мой далматинец. Живой. Вторым был роскошный дог – серо-голубой, огромный и прямо-таки лоснящийся.

– Кажется, когда я уезжал, то оставлял дома одного пса. Вернулся к двум. Вик, откуда второй?

– Пришел.

– Сам?

– Да.

– Вот так просто взял и пришел? И ты его впустил?

– Я его знаю. Он хороший. Добрый. Но его бросили.

Я решила вставить свое веское слово:

– Вик, я его не бросила. Я просто уехала в отпуск. Как много раз до этого. Обычно он не страдал от отсутствия хозяйки.

– Вы его не бросили, вы его приютили. Но спустя столько лет ему стало скучно, и он решил уйти, вы не сильно расстроились?

– Да как тебе сказать. Скорее сильно удивилась.

– Люди обычно удивляются тому, что они уходят.

– Они это кто?

– Они тени. Но вы почему-то считаете их просто картинками. А они живые и рано или поздно устают просто украшать ваши жилища. И уходят.

– И много их, этих самых теней?

– Да. Есть хорошие, есть плохие. Но человек не может справиться с плохой тенью. Только тень может избавить себе подобного от воплощения.

– То есть то, что они спускаются с картин, называется воплощением?

– Да.

Голова у меня совсем перестала соображать – происходящее никак не укладывалось в привычную мне систему мира. И кажется, не только мне. Жак залпом опрокинул еще один бокал коньяка и подключился к расспросам.

– Тени, значит. Отлично. А почему ты знаешь о них все, а мы – ничего?

– Потому что моя мама была тенью. Поэтому я не такой, как вы все. Я кажусь вам странным, скорее даже неполноценным. Но это не так. Я просто вижу и чувствую все по-другому, не так, как вы. И могу оживлять тени. Они тоже меня чувствуют, поэтому тянутся ко мне.

– И что, любое нарисованное существо может стать тенью?

– Нет. Только те, которые создаются мастером.

– Совсем весело. А мастер это кто?

– Тот, чьи предки тоже были теньями. Но...не просто теньями, а из клана мастеров.

– Вик, бога ради! А клан мастеров – это что еще за масонский кружок?

– Жак, не нервничай, ты начинаешь пить коньяк, как воду. Все не так просто, как тебе кажется. И для того, чтобы рассказать все, нужно время. Между прочим, ты не представил мне свою гостью, вы с дороги, вы устали. Да и спутнику вашему, по-моему, не помешала бы передышка. Если я правильно помню, Юрий Георгиевич?

– Правильно помнишь. Столько лет прошло, ты так изменился, и вся эта чехарда вокруг моих картин, вы не будете против, если я уйду? Ведь теперь все понятно, я к этой... уже живой собаке никакого отношения не имею, а вдаваться в подробности меня что-то как-то не тянет.

Пятясь потихоньку к двери, старый художник ушел. Вик забрал чемодан и ушел куда-то в глубину квартиры. Мы с Жаком переглянулись и снова захохотали. Истерически.

Через четверть часа мы втроем сидели в кабинете Жака, с мятным чаем вместо коньяка. Вик рассказывал – мы слушали.

– Мама немного успела мне рассказать до своей гибели... Только общие понятия, без подробностей, и так, чтобы было ясно ребенку. Остальное я добирал сам, на практике. А однажды в интернат пришел странный человек – его взяли ночным сторожем, – его странности мало кого удивляли, воспитанники тоже были не так чтобы нормальные. Он долго присматривался ко мне – для окружающих я мало чем отличался от остальных неполноценных детей, разве что учителя могли бы добавить, что понимаю я слишком много для сво-

его диагноза. А потом он увидел меня с альбомом для рисования. Простые рисунки карандашом редко становятся теми, которые могут воплотиться, – для этого нужны холст, рама, особое настроение и время... Рама становится как бы воротами в ваш мир. Так вот, он увидел меня с альбомом в руках. И попросил нарисовать собаку, нашу дворовую собаку – ее спускали с цепи по ночам, чтобы неполноценные воспитанники не разбрелись, чего доброго, в приступах лунатизма. Собака была очень умная – на чужого она бросалась не раздумывая, своих просто не выпускала дальше ворот – рычала и хватала за одежду, мордой подталкивая обратно к дверям. Вот эту самую собаку я и нарисовал. Обычным, простым карандашом – даже не цветным. Собака получилась как живая. Захар, а именно так звали ночного сторожа, забрал мой рисунок. И утром мы увидели на заднем дворе интерната, возле будки, две совершенно одинаковые собаки. В подробности никто вдаваться не стал – ну прибилась и прибилась, одинаковые и одинаковые – мало ли по городу похожих дворняг бегает. Но собаки оказались похожими только внешне. Наш, умнейший и добрейший пес, был абсолютной противоположностью новенькому. Приблудившийся оказался очень злым и агрессивным, не слушал никого, кроме Захара, и поэтому с цепи не спускался даже ночью. Однажды вечером повариха, как обычно, вынесла собакам остатки немудреного интернатского обеда. Поставила миску и развернулась, чтобы уйти. Но новому псу что-то в

ее поведении, видимо, не понравилось, и он кинулся на женщину, та даже крикнуть не успела. Мы играли в мяч неподалеку, а повариха была доброй женщиной – сухарей нам она никогда не жалела, – мой товарищ размахнулся и запустил мячом в собаку. Я схватил метлу, которой Захар мел двор, и бросился отбивать ее, как мог. Удивительно, но мои удары как-то резко поубавили пыл у собаки. С каждым взмахом палки она как будто съеживалась... Когда прибежали взрослые, на собаку никто не смотрел – все пытались помочь бедной женщине. Ну а уж после все решили, что она просто вырвалась из ошейника и убежала. То, что случилось с псом на самом деле, видел только я. Хотя, наверное, не так – произошедшее волновало, видимо, только меня. После моих ударов она стала как будто меньше, а после очередной порции просто испарилась. Стала легким туманом, который вылетел из ошейника. Самое интересное, что странный ночной сторож исчез вместе с собакой. После этого случая я попытался сложить в голове все произошедшее, совместив это с рассказами мамы. И понял, что теория такова – есть хорошие и плохие тени. Выпустить тень в ваш мир могут многие – для этого не обязательно быть мастером, но если тот, кто воплощает тень, к хорошим не относится, то и его воплощение ничего доброго в мир не принесет. Причем воплотить в ваш мир можно любой рисунок – достаточно пары мазков мастера на чужом полотне – и тень готова к новой жизни. А вот убить воплощенную тень невероятно трудно. И вот это уже под си-

ду только мастеру. А отправить тень из вашего мира без возврата может только тот мастер, который когда-то нарисовал ее. Остальные лишь заберут у нее часть силы.

– И мой далматинец теперь всегда будет живым? А на стене останется только поводок и ошейник под дождем?

– Да ладно тебе. По-моему, живой он гораздо приятнее.

– Да как тебе сказать. Я к цветам привыкла. А собаку надо выгуливать и кормить. А еще я уезжаю часто.

– Да не спорьте вы. Егор останется здесь, если, конечно, Жак не против.

– Егор?

Вик засмеялся.

– Егор. Зовут его так. Чего вы удивляетесь? вам не нравится имя?

– Имя как имя. Приличное имя для приличной собаки. Вик, если уж ты, как выяснилось, умеешь рисовать... Нарисуй мне вместо Егора кого-нибудь на картине. Только так, чтобы он там всегда был. А не на пару лет.

– Хочу напомнить, уважаемая Литта, что Егор там провел почти двадцать.

– Два или двадцать. Главное, чтобы не оживал.

– Тогда это не ко мне. То, что рисую я, – непредсказуемо. Может появиться очередной Захар, и мир увидит новое воплощение.

– Так моего далматинца сторож оживил? А как он попал в мою квартиру?

– Литта, не кричи.

– Да как не кричать-то. В мое отсутствие по моей квартире разгуливают какие-то подозрительные сторожа, а у меня потом собаки пропадают. Нарисованные. Без ошейника. Кстати Вик, а почему собака ожила, а поводок с ошейником остались?

– Потому что Егор не хотел напоминаний о том времени, которое он провел у вас, Литта, на стене. Не поймите неправильно, дело не в вас. Просто он очень долго ждал, прежде чем уйти.

– Кстати, с этого места поподробнее. И как он умудрился уйти из закрытой квартиры.

– Все очень просто. Девушка, которая поливала цветы, пришла не одна. Мужчина, который был с ней, увидел картину на стене и потом вернулся один. Он выпустил Егора. В прямом смысле этого слова – выпустил с полотна и из квартиры.

– То есть этот мужчина тоже мастер?

– Да, причем хороший мастер. Правда, мы не знакомы. Я увидел Егора в сквере, когда выгуливал нашу собаку. Мастеру или тени очень просто понять, что перед ним его соплеменник. Егор был без поводка, ошейника и хозяина. Поэтому я забрал его с собой. Потом он рассказал мне свою историю. Единственное, чего я не понял, – почему мастер, воплотивший его, не взял Егора с собой. Тени первое время очень сложно во внешнем мире. Если уж ты сделал, по тво-

ему мнению, доброе дело и выпустил тень на свободу, позаботься о ней.

– Хотелось бы понять, кто этот мастер. И как он попал в квартиру Литты один – украл ключи у той барышни?

– Этим вопросом я займусь завтра в редакции. Главное спрашивать так, чтобы окружающие не вызвали психиатра. Не могу же я сказать Нике в лоб – мужик, которого ты пригласила в мою квартиру, вернулся один и оживил собаку на картине. Ну-ка, расскажи как мне, кто это такой?

– В лоб нет, но можно сказать, что соседка видела, как Ника заходила в твою квартиру не одна. И попросить барышню больше не устраивать из твоего дома бордель. Вот и все. И между делом поинтересоваться, кто же это все-таки был. А сейчас мы вернемся к тебе, поменяем замки и посмотрим – не пропало ли еще чего.

– Давай для начала заедем на Покровку. Меня пугает пустота на стене, а вешать обратно поводок под дождем рука не поднимается.

В маленьком художественном салоне, правда не на Покровке, а на Солянке, мы выбрали милейший натюрморт с букетом ирисов в изумительной вазе того же серого оттенка, как и пелена дождя на портрете уже живого Егора. Я решила больше не экспериментировать с живыми существами. Ваза с цветами казалась мне надежнее.

Жак помог мне с новым замком, новой картиной и сварил

еще кофе. Я и не заметила, как уснула на диване. Разбудила меня тихая музыка из кухни. Удивительно, но из огромной фильмотеки мой новый знакомый сумел выбрать именно старого «Призрака Оперы». Любимая мелодия нежно лилась из маленького динамика. Жак курил, старое кресло с пледом, рядом на столике рюмка с коньяком.

– А ты, оказывается, любишь старые ужастики?

– Люблю. Но этот особенно дорог. Мы смотрели его в «Ударнике» раз пятнадцать, наверное. Почему ты не поехал домой?

– Ты уснула. Я подумал, что оставлять тебя сегодня ночью одну было бы неправильно.

– Проснуться и обнаружить тебя на кухне за просмотром любимого фильма – хорошее продолжение тяжелого дня.

– Почти начало нового. Скоро пробьет пять. А про день – я с тобой не согласен. Он был удивительным, а не тяжелым. Он подарил мне красивую сказку. С тобою в главной роли.

– Эту сказку, мой дорогой Жак, ты подарил себе сам много-много лет назад, приютив Виктора. Так что вчерашние события – всего лишь второй акт. И я, прошу заметить, была лишь массовой.

– Ну не согласен... Роль второго плана – еще куда ни шло. Никак не массовка. И вот если бы я был председателем оскаровского комитета, то непременно выдал бы вам, многоуважаемая Литта, этого самого заветного дядюшку в бронзе.

Жак подошел ближе, на моих губах заиграл горький вкус

любимого коньяка, а старый плед вдруг стал совсем лишним. Сказка? Сказка. Красивая и волшебная, с превращениями и добрыми магами. Она стала нашей общей сказкой. И мне очень хотелось прочитать ее до конца.

Мария Маду
г. Санкт-Петербург

Профессии: архитектор, продюсер социального кино, сейчас специалист по экспорту.

Многочисленные публикации в сети.

В 2011 году вышел фильм «Колыбель», для которого автор писал закадровый текст.

© Маду Мария, 2017

Из интервью с автором:

Мама из Новосибирска, папа из-под Оренбурга, муж из Владивостока. Живу в Петербурге, поэтствую с детства.

Я люблю своего читателя и люблю, когда ему нескучно: весело, всклокоченно, странно, печально, патетично или смешно. Стихи рождаются в моей голове, собираются в строчки где-то в середине лба, в области третьего глаза.

Открываю двери радужного сознания! Купайтесь!

Она и я

Она смотрела мир, как разноцветное кино,
За хлебом выходила в ярко-желтом кимоно,
И стайки мыльных пузырей у старого пруда,
Смеясь, сиреневым сачком ловила по средам.

Она читала мир, как увлекательный роман,

А в сумке на плече звенел веселый балаган:
Жонглеры-мыши, воробей, сверчок-эквилибрист,
Искала в сумочке ключи для публики «на бис».

Ей представлялось, будто мир – большой калейдоскоп.
А под кроватью ел инжир смешной ручной циклоп.
Любила утром душ принять из яблочных конфет.
Она была когда-то – я.
Тогда, в двенадцать лет.

Лунные гондольеры

В замороженном полной луной, полном лилий пруду
На гондоле из грез мы охотились на светляков.
Там, где ивы ветвями свивают уютный альков,
Ты шептал о дельфинах, вплетая мне в косы звезду...

Взмах сачка – и в сетях бьется маленький хрупкий жучок,
В теплом сумраке сыплет, дрожа, золотую пыльцу
И сердито жужжит, и щекочет ладони ловцу,
А ловец – он хохочет, блик света зажав в кулачок!..

На больших листьях лилий русалки сушили хвосты,
Светляки в банке ярко светились, почти как луна,
И зеркальные карпы жемчужно блестели со дна,
Ты шептал о дельфинах, вплетая мне в косы мечты...

У меня на окошке живет не кошка

У меня на окошке

в банке из-под горошка сладких мозговых сортов,

сурово открытой ножом,

живет не кошка, пугаясь дворовых котов

и голодных больших голубей,

не хромой воробей, ворующий хлебные крошки,

гнездящийся в старой газетной бумаге —

у меня на окошке живет сапфировый ангел!

Осторожно на остром краю алюминиевой банки

сидит:

на ладошках ранки, на коленках зеленка, в кудряшках
опилки.

Недавно перебрался в эту банку из пивной бутылки,

а оттуда – из целлофановой упаковки.

Неловко

от мух отбивается вилкой,

скандалит,

Под глазом фингал,

сердитый, взъерошенный, дикий.

Роняет на подоконник

осколки лазоревых бликов.

Атомная станция

Такая бездна одиночества – с рождения до смерти

Один...

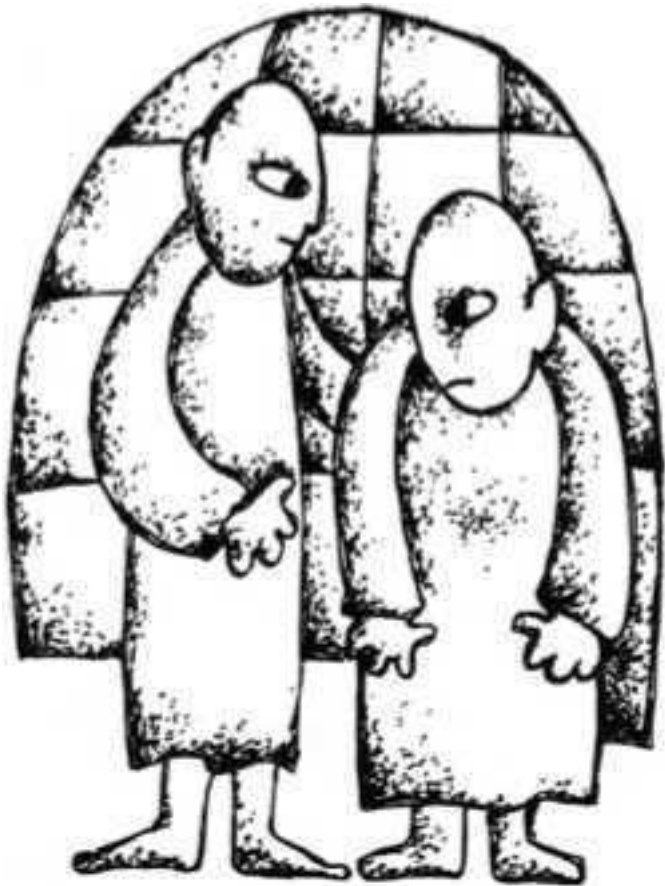
Одна...

И не к кому...

И никому...

Такая прорва нежности – как атомная станция —

Для городов она нужна, а одному – не надо.

Зачем строят корабли?

Мужики, а чего вы, эй,
Нагащили всех этих дров,
Побросали всех этих дев?

Надолбили стволы секвой,
Настрогали лопат, крестов,
Поразвесили тряпки тут?

Беззащитен родимый кров,
Буря в море шалит, как дэв,
Рыбы рады друг друга есть!..

Но слизал мужиков прибор,
В губы солью поцеловал
И ответил тихонько: «шшшшш...»

Ожидание

Минуты ожидания словно издеваются:
Ползут и насмеваются над теми, кто их ждет.
Секундной стрелки усик дрожит, но не сдвигается,
А вечность вяжет шарфики длиною ровно в год...

Вишу я в безвременности, как будто в невесомости,
И кажется, вселенная застыла навсегда.
А вертолета лопасти рисуют нам окружности
В районе сельской местности... такая ерунда...

По собственной наивности, а может, даже глупости,
Я в этой ситуации, наверно, нахожусь.
Душу, душу истерику, хоть, сволочь, вырывается,
И слезы собираются, а я сижу, смеюсь...

И не найти мне выхода в полнейшей безысходности,
И нет иного выбора, чем пялиться в окно.
Теперь я знаю в точности: терпимость – это выдумка...
А стрелочку секундную сломаю все равно...

Лунное веретено

Кулачок клади под щечку – и молчок,
Тихо слушай, как скрипит в углу сверчок,
Домовой на кухне шарит, скрип да щелк.
Воет песни на пригорке лунный волк.

Небо звездною пургой замечено.
Как серебряный волчок, веретено.
Завиваю в нитки лунные лучи.
Светлячки над лавкой вьются, как ночник.

Кот-баюн, как холодильник, тарахтит.
Моют косы ветви тонкие раки
На стремнине, у высокого крыльца,
Тени рунами бегут по изразцам.

Ночь такую не проспять, не пропустить,
Песни лунные мурчать да нити вить.
Кулачок под щечку, ты молчи, мой свет,
Это будет наш полуночный секрет.

Срочная телеграмма тчк

Генерал зпт это все начинается вновь вскл
У агентов предчувствие первой грозы
Все свидетели хором кричат
И боюсь это правда
ЧТО В ГОРОД ПРОНИКЛА ЛЮБОВЬ
По брусчатке стучит каблучками и ест эскимо
Как дитя
Прижимает к груди
Дикий грязный букет вскл
Этих как их тревожных и желтых
Короче весенних
Цветов
И с раструбами носит пальто
Генерал зпт это точно ОНА
Снова ищет ЕГО
Генерал зпт все предатели ходят в кино
И смеются вчасос
Нарушают постельный режим и устав
Я вчера отдал честь без оглядки

Что делается вскл генерал вскл
Я устал от зимы и ЧК
От войны
От вины
Я пропал тчк тчк тчк

На село привезли ананас

В будуаре ночном, под большим кружевным балдахинном,
Вижу нежный томительный сон, как в полуденный час
Меж далеких снегов и просторов тайги дико-дивных,
На ТС гужевом на село привезли АНАНАС!

В полынье на реке полоскала старуха бельишко,
Вдруг шум, гам, АНАНАС! и карась утащил простыню.
Ребятишки бегут и смеются в кургузых пальтишках,
Председателю бабы горласто осанну поют.

Сладко кутаюсь я в пеньюар, не хочу просыпаться,
Сбился шелк простыней, на дубовый паркет сполз
матрас...

Я хочу по сугробам из грез на салазках кататься,
И от счастья рыдать, если вдруг привезут АНАНАС!..

Проснусь!

Проснусь!

Сквозь интертекстную банальность,

Сквозь матрицу оконных штор... Пофиг!

Накину, как пальто, иллюзию материальности,

Шарф, стаканчик вендингового кофе,

В парадной поднимет бровь

Сосед-адкоголик: «Сергея?!»

А на улице лето... вонища...

Жарко...

Я сниму с груди аватарку

Своего вчерашнего бога,

Брошу нищему...

Новое утро

Занимался рассвет. Солнце жадно глотало росу.

На ветру сохли гордые стяги, портянки солдат.

Загорались костры, кашевары гремели посуде —

дой. Гремели в кустах воробьи, а вдали — водопад.

Растворилась ночная гроза, как лазутчик ночной.

Растрепала палатки, коней растревожила чутких,

Разорила обозы своей ураганной пращей,

И ушла, будто шутки стихии – невинные шутки.

Из палатки выходит король – он похмелен, суров.
Он не выспался, он пил три дня, он неделю без женщин,
Он в навоз наступил, едкий дым от подмоченных дров...
Но рассвет! Воробьи!
И король засмеялся беспечно...

Любовь врывается

Любовь солнечными лучами врывается в мою голову.
Продирается сквозь позвоночник, и вытекает из пальцев,
И сквозь пол просачивается, и достигает центра Земли.
И из центра Земли вырывается столб живой бурлящей
влаги,
И вливается в меня, и переполняет меня целиком,
И руки взмывают сами вверх фонтаном,
И превращаются в крону дерева,
И птицы слетаются и начинают вить гнезда.
А я не знаю, дуб я или ясень.
А может быть, липа или граб —
Пока непонятно, потому что листиков еще нет.
И вот я стою со звенящей кроной и не знаю, дуб я или
ясень,
А интернет ко мне уже не подвести.
Солнце ведь не провайдер, ветер не провайдер.
И вообще ничто не провайдер кроме провайдера.

Ну да и ладно, проживу без википедии, в конце концов.
Тут птицы, гнезда, почки набухают и чешутся.
Божья коровка сонно ползет по коре, и в корнях кто-то
копошится,
И вообще все хорошо, вот только бы узнать
Дуб я или ясень.

Загадай про меня

Мастерица-луна ткет из бисера звездный ковер.
Ты стоишь на ветру. На одной из бесчисленных станций.
Между нами билет, РЖД и отложенный спор.
Вот звезда сорвалась, хочет спрятаться за семафор.
Загадай про меня —
Я хочу для тебя исполняться.

Рядом курит старик, предлагает продолжить банкет.
Ты стоишь и молчишь. И жуешь привокзальную пиццу.
Проводница кричит, угрожает закрыть туалет.
Исполняет пакет на перроне нехитрый балет.
Помечтай обо мне —
Я хочу тебе ночью присниться.

Питерский дворик. Зима

Воскресный город. Ночь. Луна. Балкон.
Пар изо рта в фонарном свете вьется.
Сосульки блестками. Дом рвется ввысь колодцем.
И сердце бьется медленно, легко.

А завтра день, и суета, и люди.
Машины, гам и смог, звонки, дела.
А нынче – блеск оконного стекла,
И за стеклом свет чьих-то сонных судеб.

Чуть окна гаснут – бисер звезд горит.
Мне некуда спешить – зависло время.
Дом полон тишины и сновидений.
Весь двор залит покоем до зари.

Субботняя ночь

Жизнь кончается так же, как банка сгущенки:
Вроде только открыл – и почти сразу пусто.
А вдали нечто светлое – парень с девчонкой
Встали под фонарем и беспечно сосутся.

Помолиться бы мне, щедро ложью украсить
Бестолковые дни и бессонные ночи,
Что не зря ел и спал, что не зря губы красил,
А чего-то постиг,
обессмертил

и проч.

Товарищ таракан

Ну что вы,
Товарищ
Таракан,

Ползаете деловито,
С окаменевшим кефиром стакан
Огибая брезгливо-сыто?
Размороженный раскисший сырой пельмень
Откусив,
Оставлю вам, как другу лучшему —
Грызите, щупайте усиками, топчите лапками,
КАК ОНА МОЮ ДУШУ!
Ни пить, ни есть, ни в кино без нее – скука!
Богиня,
Заинька,
Сука!
Смеялась, шуршала, вгрызалась в печень —
А от этого до сих пор не лечат!
Куда смотрят Минздрав, полиция, дезинсекция...
Как разгрызенный пельмень – сердце.

Я опять виноват

Я на кладбище снов обновляю кресты,
Две монетки поверх век умерших иллюзий.
Все колени истер, соблюдал все посты,
Думал – бэтмен и бог, оказалось – что лузер.

Снова нужен апгрейд, индульгенции в долг...
На асфальт с облаков иллюзорного рая...
Крылья не отросли, парашют не помог...

Я опять виноват, я опять умираю.

Снова слаб и не горд. Снова жалок и мил.
За ошибки и риск в мути одномоментной
Я прошу извинить, я прошу новых сил,
Чтобы снова ползти в направлении света.

Тебе, Родина!

Посыпаю голову пеплом из урны деда,
Ах, старик извертелся бы, не кремировали кабы.
Я не столько принципиальный, насколько вредный,
Как мальчик, воспитанный запонками западной
«прады».

Смотрю каждый день в зеркало и пытаюсь быть лучше,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.